

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Мирон Я. АМУСЬЯ,

профессор физики

АНТИСЕМИТИЗМ И Я

Простые замечания на очень сложную тему

Антисемитизм в моей жизни, как и в жизни почти каждого еврея, играл, да и играет большую роль. Возникший крайне давно, как об этом свидетельствует такой крупный историк, как Бенцион Нетаниягу, в своей книге "Истоки инквизиции в Испании XV века", думаю, существовавший куда ранее XV века, он, как кажется, подчиняется некоторому закону сохранения. Этот закон можно сформулировать в форме, подобной хорошо доказанному закону сохранения энергии: "Антисемитизм не создается и не уничтожается, но лишь переходит из одной формы в другую".

У меня нет ни знаний, ни сил для досконального и исчерпывающе полного изучения этого вопроса, которое, как я думаю, просто невозможно, поскольку всегда у антисемитизма, явления необыкновенно глубокого и сложного, как вся политика, экономика и психология человека, вместе взятые, останутся недораскрытые черты и грани. Но есть та часть этого вопроса, которая открывалась на моих глазах, касалась меня и близких мне людей, определяла их и мою жизнь. Об этом я кое-что знаю, и хочу написать в данной статье.

Непосредственным толчком послужили статьи и интервью литератора-физика А.Гордона.

В этих статьях Гордон развивает соображения о том, что евреям не следует лезть в нееврейские дела и, напротив, следует сконцентрироваться на проблемах, касающихся своей страны, а до других нам, мол, и дела нет! В этих статьях он много говорит также об антисемитизме, особо присутствующем украинцам, что сделало в его глазах Киев столицей антисемитизма в СССР. Именно этим он объясняет то, что, сам киевлянин, уехав в Израиль в 1979 г. в возрасте 32 лет, с тех пор в Киев не приезжал и совсем не интересуется там происходящим. Поверить в последнее трудно, если не

невозможно, имея в виду, сколь четко в упомянутых статьях и множестве авторских комментариев проходит одна и та же мысль. А именно, как подчеркивает Гордон, прошлое евреев в Украине было трагично, и будущее им не сулит ничего хорошего, о чем уже сейчас есть ясные и убедительные предупреждения.

Я не гадалка, не берусь предсказывать будущее, особенно далекое, хотя уверен, что глубочайшие изменения в стране не могут не отразиться на жизни всех народов, ее населяющих. Пока, судя по составу сегодняшних руководителей и кандидатов в будущие руководители всех уровней, признаков наступающего антисемитизма там нет. Замечу также, что я не указчик евреям в деликатном вопросе, чем и где им следовало бы заниматься. Думаю, однако, что те, кто раньше искал широкие арены для представления своих впечатляющих широкомасштабных инициатив, продолжат это дело, как делали раньше, пренебрегая чьими бы то ни было советами.

Свое несогласие с объявлением тех или иных народов средоточием особо злобного антисемитизма, я уже отмечал в связи с якобы антисемитскими

законами, принятыми некоторое время сему назад польским сеймом. Обвинение всех, оптом и в розницу, народов Европы, добавляя к этому иногда и население США, сейчас очень распространено. Начиная с необдуманной формулировки "давно пора реабилитировать Гитлера", которая подразумевала, что вину за Холокост несут, помимо немцев, и другие народы Европы, как те, что были оккупированы нацистской армией, так и те, что раньше или позже вступили с нацистами в войну. Подобные обвинения всех и вся в сотрудничестве с нацистами в Холокосте, стали широкоупотребительными. Я всегда полагал, что в обозримый для меня период времени антисемитизм был всюду и везде в первую очередь орудием государственной власти, проводившей свою политику и использующей антисемитизм как инструмент в ее достижении.

Исходя из этого, я считал, что в СССР столицей всего, в том числе и важнейшего, государственного вида антисемитизма, была Москва, а номером вторым в этом списке шел Ленинград. Для царской России первым городом был Петербург. Доказательств этому множество.

Достаточно вспомнить участие царя в Союзе русского народа, царскую любовь к "Протоколам сионских мудрецов", а также решающую роль Сталина в инициировании антиеврейских кампаний конца 40-х - начала 50-х годов прошлого века.

Несомненно, что между внутренними импульсами, начиная от рядовой неприязни и даже ненависти к соседу, особенно относящегося к меньшинству, и до убийства, включая массовое, подобных соседей, есть дистанция огромного размера. Без руководства государства эту дистанцию пройти крайне трудно. С другой стороны, снятие тормозов власти легко приводит к грабегам, беспорядкам вовсе не обязательно, скажем, антиеврейского характера. Можно вспомнить панику и массовое бегство начальства из Москвы 16-19 октября 1941 года. Тогда даже частичное исчезновение аппарата власти привело к масштабным грабегам, мародерству и бандитизму, с которыми было в основном покончено лишь с введением 19 октября осадного положения, нарушение режима которого должны были рассматривать военные трибуналы, имевшие право приговаривать к расстрелу на месте подстрекателей, шпионов, провокаторов, паникеров. Думаю, что продолжись безвластие, появившись в достатке немецкие листовки, разжигающие ненависть к евреям, что было проявлением нацистского государственного антисемитизма, и дело кончилось бы погромами.

Несмотря на свою приверженность идее примата роли государств в развязывании антисемитских кампаний, несмотря на недоверие к разговорам об особой зараженности антисемитизмом одних народов (и, вероятно, незараженности других), решил вспомнить, от кого я и мои близкие видели его проявления.

Впервые я столкнулся с антисемитской выходкой в очереди в продуктовый магазин на ул. Скороходова в Ленинграде, эдак в сентябре 1941 года, где стоял с мамой. Женщина,

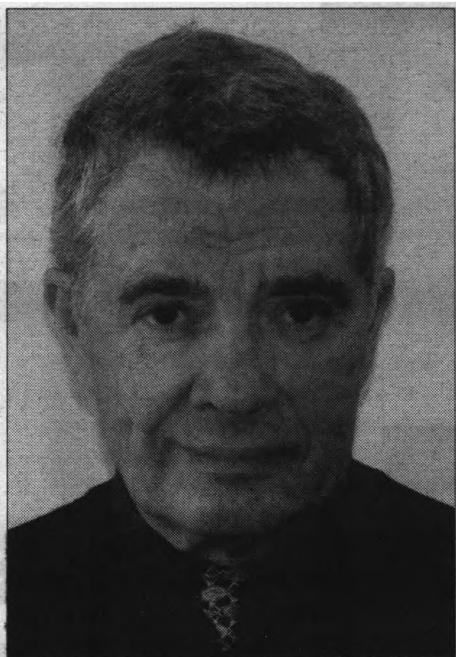
тыча в меня пальцем, сказала: "Наши на фронте, а такие как он - в тылу!" Мне еще не было и семи лет.

Примерно к середине мая 1942-го, после эвакуации в марте 1942 года по "Дороге жизни", мы оказались в поселке Талды-Курган. Там жило 65% казахов и 25,5% русских. Я с тех времен помню могучую речку Каратал, текущую через поселок, а жителей-казахов - почти нет, за исключением одной семьи. Была там и немецкая семья. Общение с немцами было на немецком, так как тетя, как и мама, были из Латвии. Казахи и немцы детей нашего с братом возраста не имели. Соседские мальчишки и парни меня не трогали (видно, маловат был), а мой покойный четырнадцатилетний двоюродный брат Абраша, не по возрасту сильный и высокий, был для них мишенью постоянных издевательств. Они его спрашивали: "Абгаша, где твой папаша?", и еще нечто подобное, закидывали камнями, несколько раз били, наваливаясь скопом. Отец его был на фронте, зенитчиком. А некоторые отцы обидчиков, внешне, во всяком случае, здоровые, "ковали победу" в тылу.

В начале лета 1943 года мы переехали в поселок Текели, населенный в основном работниками свинцово-цинкового комбината, на котором работал тогда мой папа. Казахов я там не видел - только когда они привозили из соседних деревень что-то на продажу по воскресеньям, образуя рынок. Мои одноклассники, в основном, старше меня на два-три года, один раз меня очень жестоко побили, воткнув в голову перо (кто помнит, так называемое 86-е). Больше меня не трогали. Наоборот, когда в начале 44-го наш класс стал взводом, и военрук назначил меня командиром, поскольку я единственный очень быстро научился обращаться с пулеметом "Максим", те, кто бил, стали даже поддобрострастны.

Брат по-прежнему не умел драться, но был самый высокий и сильный в классе. "Абгаша" и здесь работало регулярно. Даже постановка спектакля в школе им пригодилась, когда брата заставили играть роль эсэсовца, а маленький ростом мальчишка, по пьесе партизан, ударил его по лицу с такой силой, что кровотечение остановили лишь в больнице. "Партизан" знал, что делал, поскольку у него в перчатке оказалась свинцовая пластинка.

Не испытывали мы атак не только от казахов, но и от высланных в Текели многочисленных чеченцев. Но я видел, как хулиганы, явно русские, атаковывали и нещадно били казахов, когда те возвращались с воскресного базара в свои села. Повод тот же - их не было на фронте. Но били вовсе не те, кто вернулись с фронта. Были нередки случаи нападений со стороны все тех же хулиганов и на чеченцев.

Их третировали как не воевавших с немцами и даже их пособников. Всего два инвалида-милиционера на большой поселок были бессильны против шпаны. Порядок пришел лишь осенью 45-го, когда привезли пленных японцев. Замечу, что командовал их конвоирами еврей. По его приказу появились патрули автоматчиков, и прекратились, от пары щелчков автоматных затворов, надолго безобразия, и стало не страшно ничуть.

Не помню источник, но помню с середины 1943 года разговоры дома о том, что продвижение и награждение евреев в Красной армии тормозится высшими инстанциями именно по национальному признаку. Не осталось без внимания родителей и возвращение тогда же офицерских (вместо командирских) званий, и появление к концу того же года нового гимна, где первые слова были "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь". Не прошел мимо родительского внимания и знаменитый тост "За русский народ", произнесенный Сталиным на кремлевском приеме высших военачальников 24 июня 1945-го: "За здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза". Отец, неплохо следивший за политикой, сравнил это со словами Ленина в 1922 году, где тот говорил об обязательном "интернационализме со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда)".

Родители в указанных словах и слухах увидели возврат к прошлому (чем это и было), которое у них не оставило хороших воспоминаний, поскольку и папина, и мамина семьи столкнулись с чертой оседлости и еврейскими погромами. Папа не был тем не менее, как бы это помягче сказать, энтузиастом и советской власти - помнил, как красные, действуя по их же законам, ограбили его родителей,

моих дедушку и бабушку. Поэтому дома власть иначе, чем "финстере мелухе", не называл, и стремился из СССР уехать.

В семьях отца и матери все знали идиш и пользовались им довольно часто. Я раньше научился писать на идише для переписки с бабушкой, чем на русском. Мой двоюродный брат, как и я, был обрезан. Это служило дополнительным поводом для насмешек все над тем же Абрашей.

Весной 1946 года мы приехали в Москву, где отцу обещали направление на работу в Ленинград. И там уже вовсе не прохожий китаец, а представитель великого народа, напомнил ему, и не единожды, за кого пил и за кого не пил Великий Учитель. Отец, а с его помощью и я, увидел, что тост нашел того, кому предназначался. Мы попали в изгой по высшему повелению, открыто и грубо высказанному, поскольку "за вас же Сталин не пил", как напоминали наиболее передовые, в смысле - открытые ненавистники. После месяца в Москве мы приехали в Ленинград, где председатель ленгорисполкома П.Попков, с 1946-го по 1949 год - первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), согласно упорным слухам, которым я верил тогда, как совсем нередко и сейчас, вычеркивал еврейские фамилии из списков людей, ходатайствующих о резэвакуации - праве на возвращение в Ленинград. Кстати, этот Попков стал одним из главных обвиняемых по "ленинградскому делу" и был расстрелян в 1950 году.

В одной из недавних своих заметок я писал, что принял Израиль с момента его рождения в 1948 году. Сейчас вспомнил, что был неточен: как свое, близкое мне событие воспринял уже принятие Объединенными Нациями плана раздела Палестины с выделением отдельной еврейской части. Помню передачу в доме моего дяди (там был радиоприемник) тогда еще не глушившегося "Голоса Америки", начинавшуюся словами "говорит Лейк Саксес", где описывался драматический ход голосования 29 ноября 1947 года по принятию этого плана. Для окружавших меня взрослых, а тем самым и для меня, это был важнейший праздник. Впечатляющее описание того, как переживали это событие евреи в Палестине, недавно прочитал у А.Оза. Хорошо помню яркое событие того времени - приезд в Москву осенью 1948 года посла Израйля Г.Меерсон (позднее - Меир) в Москву. Рассказы о том, сколь много евреев ее встречало, как проходили посещения ею синагоги, доходили до Ленинграда.

В 1947-1948 годах уличный антисемитизм пошел в быстрый рост. Газеты задавали тон своими фельетонами и статьями, а внизу подхватывала чернь. Пошли в ход и "ташкентский фронт",

и "покупка орденов на базаре", и простолоудинам совсем непонятные "безродные космополиты", и много всякой прочей мерзости. Фельетоны не только поджигали ненависть к евреям - они подтачивали еврейское самосознание изнутри. Чтобы насаждаемому настрою не поддаться, мы с приятелем Е.Гарбером, ныне покойным, довольно рано начали искать имена великих евреев в книгах, искать подтверждения эпохальных заслуг нашего народа, именно нашего, еврейского, элементом которого мы довольно рано начали считать себя. Меня всегда, кстати, поражает, как люди, из числа тех, кто был никем и никем остался, легко выбрасывают из числа евреев то Спинозу, то Пастернака, то Маркса, то еще кого-нибудь из знаменитых. Не к этому зовет память об антисемитизме моего детства и молодости.

Дома, в ответ на обиды в адрес учителей, которые, как я считал, меня недооценивают именно по причине еврейства, всегда слышал неизменное "Хочешь получать пять, учись на шесть!" Полезной для меня стала выработанная этим привычка. У бабушки мы отмечали еврейские праздники, я помогал ей, не афишируя, делать мацу. Дома говорили на идиш, чтоб не понимали соседи. Папа регулярно ходил в Хоральную синагогу, расположенную, кстати, близко от того места, где жила его сестра с семьей и бабушка. На Йом-Кипур родители постились.

Постепенно в ходу оказалось ругательство "сионист" - слово малопонятное, но для плебса звучавшее просто мерзко. К моменту окончания мною школы в 1952 году, еврейский вопрос в его улично-квартирном исполнении достиг такого накала, что я вполне допускал что-то подобное судам Линча. Чтоб так просто не сгинуть, я отлил себе свинчатку, которую удобно было держать в руке. Собирался хоть кому-то разбить башку, когда меня начнут убивать. Передам свои чувства одним эпизодом. Как-то соседка-татарка, несколько старше меня, назвала меня "жидовской мордой". Я быстро зашел в свою комнату и выскочил оттуда с большим кухонным ножом. Она, однако, поняла, чем может кончиться дело, побежала по нашему длинному коридору и скрылась в конце его в кладовой, закрывшись изнутри. Просидела тихо до прихода моей мамы с работы. И я, и она поняли - нож был в тот момент угрозой реального убийства. Фактически, напряжение и ожидание погрома, да и высылки евреев - у кого с ужасом, у кого с поощряемым и направляемым властью чувством "справедливости наказания", а у кого и жадной и предвкушением наживы, кончились лишь со смертью Сталина.

Однако, испытав происшедшее тогда на себе, я понимаю, насколько

это было слабее того, что испытывали мои соплеменники в городах Германии - Берлине, Франкфурте и других в период Хрустальной ночи и после нее. Отмечу, однако, и там, и здесь вдохновляющую и направляющую роль верхов в творившихся безобразиях.

У всего есть две, если не более, стороны. Я иногда читаю воспоминания людей, которые пишут, что ощутили свое еврейство, стали гордиться им и даже решили переехать в Израиль после Шестидневной войны. О себе этого сказать не могу. Нет, я не стал евреем под влиянием победы Израиля в 1967 году - я ее встретил евреем. Меня во многом сделали им антиеврейские кампании конца 40-х - самого начала 50-х годов, точнее, усилия по внутреннему противостоянию им. А ведь многие евреи и поддавались, в "деле врачей" винили самих арестованных, в клевете "ташкентского фронта" - видели проявление якобы малозаметного присутствия евреев на фронте в годы ВОВ и т.п. Сокрушительная победа Израиля в 1967-м, как и позднее, в 1973 году, часто незаслуженно принижаемая даже самими израильтянами, были для меня прямым продолжением, только на еще более высоком уровне, разгрома Египта в 1956-м, и героической эпопеи Войны за независимость 1948-1949 годов.

С теми или иными проявлениями антисемитизма я сталкивался и после смерти Сталина. Почти в каждом проявлении можно было проследить достаточно высоко расположенную директивную руку, или приоткрывающую кран того, что можно назвать стихийным, посконным, нутряным антисемитизмом, или просто направляющую в желаемом власти направлении обычное раздражение против иначе выглядящего, несколько иначе живущего соседа. Так, буквально ежедневными сообщениями в СМИ о мнимых преступлениях "известной всему свету" десятилетиями насаждались советской властью антисемитские настроения.

Конечно, существует и странный вид антисемитизма, непосредственно от евреев оторванный. Так, наша хозяйка в колхозе, куда меня послали от ФТИ в 1958 году, обзывала свою козу, от недокорма дававшую мало молока, "у, еврейка!" или "проклятая еврейка". Евреев, вероятно, она никогда не видела, поскольку ко мне и еще одному моему соплеменнику, в отличие от козы, относилась очень хорошо. Во время довольно длительной экспедиции по дальнему Подмосквовью ничего, кроме дружелюбия и гостеприимства, не видели моя жена и ее покойная подруга, тоже еврейка.

Возвращаясь к тем временам, замечу, что окружали нас в основном русские, из их же числа были хулиганы. Но русскими был целый ряд тех, кто помогал, с риском для своего служебного положения, и гонимым.

Виденное и пережитое позволяет мне отвергнуть утверждения о крайнем антисемитизме, проявляющемся в убийстве многих евреев, как о черте, якобы особо присущей тому или иному народу - будь то украинцы, литовцы, поляки или кто-то другой. Убийства евреев местными жителями в той же Литве при приближении немцев происходили потому, что уже было известно - новая власть за это не только не накажет, но похвалит и поощрит. Кишиневский погром стал следствием прямого натравливания на евреев слухами в газете и попустительству полиции и армии. Подобные примеры легко множить.

Нередко в заключениях об особом антисемитизме тех или иных народов большую роль играют исторические экскурсы, но чаще всего такие заключения делаются на основании событий времен ВМВ-2, во время которой произошёл Холокост. История для не историка, однако, дело сложное. Еврею трудно, разумеется, забыть, что именно в центре Киева стоит памятник Богдану Хмельницкому, вероятно, до Гитлера, самому массовому убийце евреев. Но вот недавно вычитал, что его автор, знаменитый российский скульптор М.Микешин предполагал изобразить, как Богдан "конем сталкивает польского шляхтича, еврея-арендатора и иезуита со скалы, перед которой малоросс, червоноросс, белорус и великоросс слушают песню слепого кобзаря". Осуществиться мерзости помешал малый сбор денег по всероссийской подписке.

Массовая гибель евреев на территории СССР, входивших в ее состав республик, во время ВМВ-2 стала результатом нацистской оккупации и действий нацистских специальных команд. То же самое было на территории Польши, Чехословакии и других государств. Уже приближение гитлеровских войск, через листовки и беженцев извещало население о политике немцев под Гитлером по отношению к евреям. Замечу, что в 1918 году этнически те же немцы оккупировали Латвию, но кормили население из полковых кухонь, и навели полный порядок, ликвидировав на время своего пребывания какие бы то ни было погромы. Помня о немцах в 1918 году, многие евреи не уехали из Прибалтики в 1941-м, что стоило им жизни. Не преуменьшая роли объективных законов развития человеческого общества, стоит признать, что без Гитлера не было бы Холокоста, а без Сталина - ГУЛАГа и чудовищных чисток 30-х годов прошлого века.

Неправильно, на мой взгляд, путать действия организованных немцами полиций, да и как будто спонтанно возникающих групп, активно и инициативно убивавших и грабивших евреев, с какой-то врожденной чертой того или иного народа. Всюду прослеживается организующая и вдохновляющая рука власти

- нацистской, националистической, большевистской. Всюду, задав вопрос, кому это нужно, кому это, пусть в чудовищном и изуверском смысле слова, выгодно, находишь человека (или человекообразное), обладающее высокой или даже высшей властью. Трудно априори совершенно отрицать эффект врожденности того или иного преступления, например, убийства по Ломброзо, но это скорее исключение, чем правило.

Для осуществления уничтожения под прикрытием государственной машины достаточно немногих участников. Стоит помнить, что цена, объявленная нацистами за помощь евреям, была очень высока - вплоть до своей и близких смертной казни. И в этих условиях следует скорее удивляться, что таких спасателей оказалось столь много. Нижний предел их числа можно найти в статье о почетном звании, присваиваемом Израильским институтом катастрофы и героизма при мемориале "Яд ва-Шем". Там говорится: "Звание праведников народов мира присваивают неевреям, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации Европы, Катастрофы (Шоа), рискуя при этом собственной жизнью". Всего таких людей 26513, из них (привожу часть стран): в Польше - 6706, Нидерландах - 5595, Франции - 3995, Украине - 2573, Чехословакии - 688, Германии - 601, Италии - 682, России - 204, Белоруссии - 641, Латвии - 136, Литве - 891, Эстонии - 12. Это те, кто сознательно рисковал своей и своих близких жизнями. Несомненно, помощников "втихаря" и доброжелателей было много больше.

Конечно, те, кто активно спасал, составляли небольшую долю от равнодушного к трагедии большинства. Но и активно действующих убийц и погромщиков, которые ничем не рисковали, как им в момент совершения преступления казалось, а наоборот, хорошо вознаграждались, было тоже весьма немного. Народ, как правило, в массе безмолвствует. Позволю себе спросить у активных осудителей целых народов, сейчас уж точно своим осуждением ничем не рискующих, сколько им известно "праведников СССР", которые, рискуя собственной жизнью, или жизнью близких, спасали людей из сталинских лагерей и от тогдашних расстрелов? Сколько горожан прорвалось через военные кордоны, чтобы спасти умиравших от голода крестьян? Мне ответят, что людей парализовал страх, и они по наивности верили, что уничтожаемые - настоящие враги народа, а не, в самом крайнем случае, противники Сталина и его камарильи.

А в Европе под Гитлером что, страха или глупого доверия не было? Неужели сегодняшние "осудители" забыли, как в СССР прерывались всякие связи с семьями арестованных в сталинские времена? А вспомните, как много позже прерывали всякие связи с людьми, друзьями, да и

близкими, включая родственников, все преступление которых состояло в том, что они подали заявление на выезд в Израиль. Мне скажут - боялись потерять работу, лишиться успешной карьеры. А в Европе под нацистами ставкой тоже была только работа и карьера? Не судите, и не судимы будете.

Сейчас нередко слышны голоса, будто людям и народам требуется взаимное покаяние, как основа для примирения. За меня даже покался перед А.Прохановым, в его газетке, мною не прощенный некто по имени "рав" М.Финкель. Я не готов каяться за других евреев - ни, к примеру, за Л.Троцкого, ни за Г.Ягоду, ни за недавно обнаруженного по открывшимся архивам госбезопасности СССР Н.Турбовского, лично расстрелявшего 2100 человек. Преступен - пусть он и ответит за особо тяжкие свои преступления - бессрочно, перед судом и историей. Не готовый каяться за мифические общееврейские грехи, я не жду и покаяния от других народов, где некоторые люди совершали преступления под чуждой властью и ее военной силой. Исключение составляют те случаи, самые кровавые, когда население, своим голосованием, раз за разом поддерживало свое преступное руководство. У человека может не быть возможности для безопасного сопротивления, но возможность не быть среди первых учеников преступного режима есть всегда. Как есть и обязанность осознать, что режим в твоей стране - преступный.

Замечу, что не готов я объяснять антисемитские проявления, вольно или невольно оправдывая их тем, что мол, евреи занимают слишком важное и влиятельное положение не в своем государстве, суют, мол, нос в чужие дела. Не хотел бы слушать поучения на тему, где следует быть еврею заметных способностей, особенно таких ярких людей, как, к примеру, В.Ратенау, министр иностранных дел Германии в 1922 году, убитый крайними националистами, или Б.Дизраэли с П.Шафировым, или их более современные аналоги. Это им решать.

Но интересен вопрос о том, есть ли польза от евреев, "не сидящих тихо" в своих странах, для Израиля. Ведь там они могут и затруднить жизнь "сидящих тихо" евреев, что может отразиться на отношении той или иной страны к Израилю. Рекомендации "сидеть тихо", "не лезть не в свои дела" сыплются как из рога изобилия. Однако я считаю, что "не сидящие тихо" евреи, борющиеся за демократические преобразования в своих странах, приносят огромную пользу Израилю. Его безопасность много выиграет, если вместо ошалевших от безнаказанности диктатур появятся дружественные демократические страны. Спасибо надо сказать этим евреям за их, лично совсем не безопасное, дело, а не поносить их за это.

Иерусалим

ЕВРЕЙ НА ЛОШАДИ

Белла КЕРДМАН

Одно время, еще до тотального распространения персональных компьютеров, в мой адрес приходили бандероли с книгами разных людей, случалось, что и незнакомых. Я называла эту почту "самиздатом". Ведь и в стране нашего исхода можно стало любое сочинение выпустить без всякого "лито", писательских рекомендаций и партийного дозволений. Даже с картинками и в твердой обложке, любым тиражом - были бы деньги. Рынок! По двум-трем фразам, по паре рифмованных строк видно, что за "литература" попала тебе в руки. И нет, чтобы относиться к этой данности спокойно, - я расстраивалась. Выбросить рука не поднималась, а что с этим делать? Когда поселилась в хостеле, стала выкладывать такие произведения на стол в холле, оно само собой куда-то девалось.

Иное дело - дневниковые записи, воспоминания, семейные хроники. Как бы ни был автор косноязычен, даже малограмотен - всегда у него найдется что-то любопытное, особенное. Такого рода произведения, даже рукописные (один знакомый ребенок как-то изрек: "Это было так давно, когда люди еще писали почерком"), мне всегда интересны. С чужими почерками проблемы нет - работая смолоду в редакции с письмами, привыкла разбирать любой.

Более десяти лет назад, не помню, каким путем, попала ко мне рукопись воспоминаний Ефима Аронова - человека, ушедшего из жизни в 1993-м, причем в Москве. Рукопись добротная, грамотный текст. Сейчас эта неоконченная книга объемом в 285 страниц есть в интернете (типографского варианта, судя по всему, не существует), так что я смогла заново ее перечитать. Да, помнится, в Израиле жил младший брат Ефима, и я связывалась с ним по телефону, получала какую-то информацию. Увы, интернет сообщает, что и этого Аронова, Бориса, не стало, умер в 2007-м. Однако там же появилась и его рукопись - дополнения к "Семейной хронике" старшего брата.

На удачу, после нескольких аварий с моим компьютером, когда пропало большинство "единиц хранения", я обнаружила несколько снимков и записей в папке "Ароновы"! Ах, эти еврейские имена из Белоруссии 20-х годов, теперь таких ни там, ни здесь не услышишь: Мотул, Шнеер, Шлёма... Борис называет всех детей семьи, где были "мои, твои и наши" - общим числом 11 (одиннадцать). Его мама, акушерка Паша (Полина) Лисняцкая была дважды замужем, а отец, железнодорожный рабочий

Ефим Аронов

Борис Аронов

Гиля (Илья) Аронов - трижды. Ефим (Хаим) и Борис (Берл) родились последними: первый - в 1921-м, а второй - в 1925-м году. Не со всеми старшими детьми семьи они успели познакомиться: кто-то погиб в Первой мировой войне, кто-то уехал в Палестину. Но и младшим Ароновым, поспевшим ко Второй мировой в самом призывном возрасте, войны досталось сполна, они прошли ее с боями "от звонка до звонка".

Не могу удержаться, забегаю вперед: 24 июня 1945 года военфельдшер Ефим Ильич Аронов, дослужившийся к концу войны до звания старшего лейтенанта, прошагал правофланговым по Красной площади в строю гвардейского кавалерийского батальона, делегированного в Москву для участия в Параде победы. Вот как он вспоминает об этом в своих хрониках:

"Перед двадцатым июня мы получили новую, специально сшитую казачью форму: черкески темно-синего цвета с газырями, казакины, диагональные брюки с красным кантом, хромовые сапоги, кубанки, наборные казачьи ремешки (пояса), шашки и прочие мелкие аксессуары - погоны, эмблемы, звездочки. Все было по ростовке и меркам, которые с нас сняли в Братиславе. После подгонки, глажки, прикрепления орденов и медалей мы выглядели очень эффектно: все на нас блестело и сверкало. Про себя подумал, что выглядим, как павлины".

Ключевые здесь слова - "казачья форма". И главное, что форма эта была не для парадной проформы - фельдшер Ефим Аронов, действительно служил в кавалерийской части, причем прошел по военным дорогам верхом на лошади, хотя до войны видел вблизи это средство передвижения разве что в детстве. Еврей на лошади - уже не еврей, заметил в свое время Бабель. Между

прочим, когда белокурый и слегка курносый Фима заикался о своем еврействе, окружающие думали, что это шутка такая.

Есть кое-что на сей счет в хрониках Ефима. Его красавица-мама, известная в Гомеле акушерка, была высокого роста, блондинка, волосы в крупных кудрях - в общем, типичная русская женщина. Через много лет, когда ее уже не стало, он занялся родословной своих предков и узнал кое-что интересное. Мать родилась в Екатеринославе, в многодетной еврейской семье. И тетка перед смертью рассказала Фиме, что мамин дед, красивый юноша познакомился с русской девушкой, дочерью царского генерала. Молодые люди пылко полюбили друг друга, что было неслыханным по религиозным, национальным и социальным канонам того времени. Девушку прокляли и изгнали из семьи, она ушла от родителей в чем была и уехала с любимым. В доме родителей Фиминого прадеда тоже были в ужасе, но дали согласие на брак - с условием, что невеста примет иудейскую веру. Так она и поступила. Видимо, это ее гены в клане Ароновых сработали.

Мать братья Ароновы любили самозабвенно. "Наша мама была замечательным человеком, добрым, отзывчивым, веселым и неунывающим. Она всегда была готова прийти на помощь, и всегда легко сходилась с людьми. У нас была детская клятва, которая сохранялась на всю нашу жизнь - "Чтоб я так маму любил", и эта клятва никогда не нарушалась", - записано в рукописи Бориса. А вот из хроник Ефима: "Мама умерла в возрасте 87 лет. Много воды утекло с тех пор, а для меня она до сих пор живая. Не проходит дня, чтобы я не вспоминал маму, ее шутки, поговорки, сравнения и мудрость человека, прожившего большую, трудную жизнь".

Война застала Ефима, окончившего

медицинское училище, на действительной службе в Красной армии, причем в 39-м. И он участвовал в "освобождении братских народов". Искренне веря, что это - благое дело. Вот как он сам пишет о начале той войны: "Не знаю, но мне кажется, что была какая-то договоренность с немцами в отношении западных частей Польши. Сопротивление польской армии, попавшей между немцами и нами, было трагическим. Солдаты дрались с отчаянной храбростью. Дело доходило до курьезов. Уланы в конном строю с клинками наголо атаковали наши танки и расстреливались из пулеметов наших танков. Позже мы узнали от пленных, что им внушали, якобы советские танки построены из фанеры!"

Свой первый бой с немцами Ефим Аронов принял в самом начале Второй мировой войны, в ночном бою убил первого немца и получил первое (и единственное, к счастью, за всю войну!) ранение. Вот как это случилось. Командование приказало ему и врачу Хайкину отвезти раненых в больницу городка Вилейка. Возвращаясь, они сбились с пути, не могли догнать свою колонну. Хайкин решил пройти вперед, разведать дорогу, Аронов с водителем остались. "Машина стояла на перекрестке, было уже довольно темно, около 12 часов ночи. Я был в форме лейтенанта - два кубаря в петлицах, вооружение - два нагана, один в руке, другой заткнут за пояс, планшетка с картой, удостоверение личности и комсомольский билет. Отойдя от машины метров на 30-40, увидел трех солдат в касках и с винтовками СВТ (ножевой штык). Я был уверен, что это свои, и пошел к ним спрашивать дорогу. Двое из них направились к машине, а один пошел мне навстречу, он держал наизготовку винтовку, а я в руке револьвер. Приблизившись к нему почти вплотную, увидел, что это немецкий солдат. Все произошло в одно мгновение - хенде хох! - и к груди моей приставлен штык... Это мгновение решало всю мою дальнейшую судьбу и саму жизнь, и я прямо в упор выстрелил ему в грудь, он отпрянул, я повернулся и побежал к машине, которая горела. Отбежав несколько шагов от немца, почувствовал колющий удар в бедро. Обернувшись, увидел, что он упал лицом вниз".

В той неравной схватке Ефим убил еще одного немца и получил еще два ранения: в живот и в плечо. Потом, истекая кровью, брел по болоту, а когда руками нащупал кромку асфальта и понял, что это дорога, услышал окрик "Стой!" и потерял сознание.

Ему обработали раны, и утром,

едва оклемавшись, снова чудом уйдя от смерти, Фима разыскал свою санчасть. Его обнимали, хлопали по здоровому плечу, приговаривая "Долго жить будешь!". "До сегодня я не был суеверным, но позже стал фаталистом. Всю войну постоянно рисковал, убедил себя, что меня не убьют, эта убежденность придавала смелости, хотя всегда был страх, который я старался преодолевать и, тем более, никому не показывать".

На волне высокой эйфории он почти трое суток еще оставался в строю, спасая раненых, и даже принял участие в штыковой атаке, отбиваясь от наступающих немцев. Какой-то фриц огрел фельдшера прикладом по голове, он вырубился, но товарищи подняли его на ноги и привели в чувство. И он продолжал действовать: останавливал машины и отправлял раненых, падал на землю, когда налетал "мессер", пешком двинулся вслед колонне (закрепленная за ним полуторка ушла с ранеными вперед). Но тут Аронова подхватил в свою переполненную легковушку начсанарм Михнов и, увидев его состояние, приказал отправить в госпиталь.

А после выздоровления... "Легкомыслием было, конечно, ответить "умею" на вопрос кадровика, решавшего в конце августа 41-го, куда направить меня, военфельдшера Аронова", - читаем далее в его хрониках. После этого "умею", когда речь шла о верховой езде, его и направили в казачье войско.

Кавалерийское подразделение, куда попал Ефим Аронов после госпиталя, получило в его лице никакого конника. Но зато - уже обстрелянного, выносливого воина и знающего свое дело медика. Так стоит ли удивляться, что с лошадью он освоился не хуже иного казачка, выросшего в станице? Немалых усилий, пота и, в буквальном смысле, крови, стоила еврейскому парню, попавшему в кавалерию, конная подготовка. Он никогда не садился на повозку или сани, все рейды по тылам противника и походы Фима провел в седле. "От кавалеристов я узнал, что падать с коня стыдно, даже позорно, если падать, - то с конем вместе. Если конь упал, и ты вылетел из седла, надо вмиг вскочить, сесть в седло еще лежащего или поднимающегося коня и вместе подняться. Все это постигалось постепенно. Опыт приходил во время учебы и особенно в походах. После каждого занятия я ходил враскорячку, болел зад, появились кровотокающие ссадины. Сам смазывал эти места йодом и скрипел зубами от жгучей боли, но упрямо продолжал осваивать верховую езду. Я был выше среднего роста, огромный белобрысый чуб выбивался из-под кубанки, единственный из медиков полка и даже дивизии участвовал во всех конно-спортивных состязаниях, конкуриппике, "цыганской свадьбе"

- это такая конно-спортивная игра, одним словом, не отставал от своих однополчан".

О лошадях у Е.Аронова написано много - о свойствах той или иной породы, о взаимоотношениях коня и всадника. Как плакал он от счастья, когда его потерявшегося коня, ахалтекинской породы Орлика, удалось найти! И какое глубокое горе пережил, когда потерял его безвозвратно...

Я читала "Хронику", как читают большой роман, обстоятельную семейную сагу - не торопясь, отмечая эпизоды, к которым следует вернуться. Там сотни фамилий, часто с именами и отчествами, сотни названий городов, городков и деревень - у автора феноменальная память! Он так безыскусно передает свои наблюдения и строения, не скрывая собственных слабостей и ошибок, не кичась, а искренне упиваясь своей отвагой, которая так и прет из него, молодого и богатырски здорового, что веришь ему, свидетелю своего времени, безоговорочно.

Вот например: во время марша, когда лошадей почти не расседывали, так спешили, под лед на реку ушла пушка; охотников нырять за ней вызвалось немного: лейтенант Аронов и двое казаков. Нырнули, зацепили крюками за лафет и выскочили, "как ошпаренные". Их укутали одеялами и напоили спиртом, вытаскивали оружие уже другие. Ну, фельдшером ли было дело, вот это "моржевание"?! Ему же и влетело потом за такое безрассудство. Еще поступок. Апрель-44, война идет на убыль, и кавалерийский полк выведен из боев во второй эшелон обороны. Старшего лейтенанта Аронова вызывают в штаб корпуса. Там собрали 12 фельдшеров из разных полков и дивизий: пришла одна путевка в Военно-медицинскую академию им. Кирова, и надо выбрать, кого послать. Выбор пал на Ефима, он согласился, и через два дня должен был явиться в санотдел штаба для отправки в Ленинград. Но... к вечеру того же дня передумал: война-то не закончилась! А уж после войны он таки поступил в эту академию и окончил ее.

Газетная статья ограничена в объеме, и все же еще один эпизод из военного периода жизни Ефима Аронова приведу. И начну его, процитировав воспоминания другого фронтовика: "...из канонады и рева ночного танкового боя ясно выделялся нарастающий звук мотора. Я хотел вскочить, но в это время что-то крепко схватило меня за пятку и потащило назад. Что-то огромное, неумолимое и жесткое навалилось на меня, сжало грудную клетку, обдало жаром и запахом бензина и жженого металла, стало на мгновение очень страшно, именно из-за полной беспомощности и невозможности бороться. "Готов парень. Отвоевался..." - громко и ясно сказал кто-то рядом.

Стало обидно и страшно, что бросят. А я ведь жив. Жив или нет? Только дышать очень трудно, и рука не шевелится, и нога. Но надо встать. Встать во что бы то ни стало. Я с трудом оторвался от весенней слякоти, простоял, как мне показалось, очень долго и начал падать, но чьи-то руки подхватили меня. Я узнал фельдшера Аронова. "Э, брат, раз встал, значит, жив будешь", - сказал он мне". Это случилось 11 февраля 1944 года под городом Дубно. А под танк угодил, став после этого инвалидом второй группы, гвардии рядовой, кавалер ордена Красной звезды Станислав Ростоцкий, будущий режиссер, всем нам известный своими фильмами.

А теперь тот же момент - из хроник Е.И.Аронова: "...Это были мои руки, я подхватил его, пытавшегося подняться, и оттащил от дороги. Глубокий снег уменьшил силу давления, гусеница танка вмяла его в снег, повредила правую ногу, руку и грудную клетку. Он стонал, но не жаловался, а все время спрашивал, где его фотоаппарат, но не до аппарата было, надо было спасать жизнь. Мы с Олегом Ивановским его уложили и двинулись вперед догонять штаб полка... С тех пор прошло много лет, но до сих пор он утверждает, что я сделал ему укол камфары через шинель. Я, естественно, ему возражаю, что такого быть не могло, но переубедить не могу. Так идет у нас постоянный спор, и каждый остается при своем мнении. Бог с ним, пусть утверждает. Главное в том, что он чудом уцелел, хотя и остался инвалидом, - ему ампутировали правую ногу, но он остался в строю, стал известным кинорежиссером, создал много замечательных фильмов. Мы дружим и стали ближе, чем родные братья".

Вместе с рукописью "Семейной хроники" ко мне попал пространный лист фамильного древа ее автора. Родоначальником там обозначен некто Борух Аронов из городка Сновска (впоследствии Щорс) Черниговского уезда и дата: ок. 1840 г. Составил "древо" живущий в Реховоте инженер Ефим Эткин, кому тот Борух доводился прадедом, а наш герой - двоюродным дядей. Среди персон этой родословной обнаруживаю еще одного его дядю: известного писателя Анатолия Рыбакова, который, оказывается, прожил молодые годы и прошел войну с фамилией своего отца - Аронов, а когда стал писателем, взял псевдонимом фамилию матери. Так что они двоюродные братья - Ефим Аронов, автор неопубликованной "Семейной хроники", и Анатолий Рыбаков, автор "Тяжелого песка", "Детей Арбата" и многих других произведений.

Борис Ильич Аронов, которого я успела застать в живых в Израиле, тоже прошел всю войну. Однако был не такой везучий, как Ефим: несколько раз ранен, попадал в

госпитали и был досрочно уволен из армии в запас. И все же победу успел отметить в Берлине, и не один, а с начальником штаба зенитно-артиллерийской дивизии Иосифом Лисняцким, братом по матери. И оба расписались на стене рейхстага. Из воспоминаний Бориса: "Находясь в госпитале г. Люблин (Польша) ходил в находящийся недалеко немецкий лагерь смерти Майданек, видел печи, в которых сжигали людей, там еще стоял запах горевших тел, видел траншеи, где штабелями лежали голые люди с пробитыми головами. Трудно представить себе, до чего дошли нацисты. Видел трупы, у которых со спины была снята кожа. Видел также эту кожу обработанной".

Снова разворачиваю схему родословной большого еврейского клана. Сколько ярких, талантливых и просто достойных людей среди этих Ароновых, Рыбаковых, Эткиных! Там есть художники, причем и самоучки, чьи работы на очень хорошем уровне, как, например, инженер Ефим Эткин, и профессионалы, как его сын Михаил Эткин и ряд других. Серьезным мастером живописи был Лев Ильич Аронов, брат нашего героя по отцу. А ведь во время оно этому человеку, по жизни скромному и даже робкому, добровольно ушедшему в народное ополчение в первый же день войны, был навешен ярлык "злобствующего эстета".

Вернусь в заключение к нашему еврейцу на лошади, вопреки Бабелю, таки да еврейцу. Процитирую строки из официальной справки ее официальным языком: "Тремя боевыми орденами Красной звезды во время войны был награжден военфельдшер 250-го гвардейского Кубанского казачьего полка 11-й гвардейской казачьей дивизии Ефим Аронов. 19.1.43 при захвате полком гор. Валуйки хорошо организовал вынос раненых из поля боя. В результате своевременно оказанной помощи не было случаев смертности. Благодаря самоотверженной работе тов. Аронова и его личного участия была спасена жизнь свыше 60 бойцов. Ему был вручен орден Красной звезды №17574. В 1943 г. военфельдшер Аронов Е.И. получил второй орден Красной звезды №886937. В 1944 г. Ефим Ильич был представлен к третьему ордену Красной звезды за то, что, лично участвуя в боях за город Дубно, проявил доблесть и мужество, под ожесточенным огнем организовал эвакуацию раненых через труднопроходимые болота... Умело организовал работу санитаров, воодушевлял их личным мужеством и героизмом... Тов. Аронов в осажденном противником доме в г. Дубно спасал жизнь раненых и с винтовкой в руках защищал их и убил 6 немцев, эвакуировал 48 раненых. В марте 1944 г. за этот подвиг Е.И.Аронов получил третий орден Красной звезды №631183".

ЛИБЕРТЭ-ЛИБЕРТЕН

Мириам ГАМБУРД,

скульптор

Первоначально великий лозунг, озвученный Максимилианом Робеспьером в Конвенте, имел непривычную форму: "Единство, неделимость Республики, свобода, равенство, братство или смерть", но вскоре была отброшена привязка к месту и к событию, и он приобрел законченную, чеканную универсальную форму. Робеспьер, носивший прозвище "человек террора", декретировал террор как "лучший друг свободы, делающий свободу непобедимой". Этот тезис, пожалуй, даже похлеще ленинского "Пока есть государство - нет свободы. Когда будет свобода - не будет государства". Но, возможно, не всем гражданам окажется по нраву союз свободы и террора, и кто-то не захочет для себя такой свободы и по величайшей неосмотрительности выскажет эту мысль вслух? Тогда, цитирую философа Жан-Жака Руссо: "...его силою принудят быть свободным". А как же иначе? Ведь в принятой Национальным собранием "Декларации прав человека и гражданина", пренебрежение которой недопустимо, ясно сказано, что все люди рождены свободными и равными в правах.

Робеспьер просчитался и сам был гильотинирован революционным трибуналом. Его пример - другим наука. Тираны изучали и изучают его ошибки, дабы не повторить бесславный конец. Так, может быть, лозунг оказался скомпрометированным? О, нисколько! Он только начинал свое победное шествие. К тому времени якобинцы обязали французов начертать триаду над входом в предприятия, будь то фабрики, трактиры, винные погреба, сыроварни и копильни окороков, портняжные мастерские, театры, госпитали и похоронные конторы, дальше - всюду. Даже над порталами церквей, чье имущество было отчуждено, и при входе в монастыри, крепко потрепанные революцией, появились "Свобода, Равенство и Братство". Лозунг оттискивался по шаблону и писался от руки по штукатурке на юге или высекался в сером диком камне в центральной части страны Ильде-Франс в строку, или в виде арки над входом в зависимости от характера архитектурного сооружения. Кое-где в глубинке на домах сохранились еще полустертые буквы. Как-то мне случилось гулять по знаменитому парижскому району Монпарнас, и я подошла к высоким каменным воротам. Над ними объемными буквами был набран знакомый лозунг. "Что это за здание?" - спросила я у прохожего. "Разве вы не знаете, мадам? Это тюрьма".

Но что там надпись над тюремным порталом в центре Парижа! Над входом в лагерь смерти Аушвиц и Заксенхаузен

гнутыми корявыми железными буквами на просвет - "Arbeit macht frei".

Великая французская революция, казнив короля и расправившись со знатью и духовенством, пошла, как свинья, жрать своих детей - пламенных революционеров. Но вскоре пресытилась, выдохлась и позабыла, за что сражалась. Она извалялась в крови и нечистотах и вовсе скурвилась: именем закона утвердила доноительство. Так революционный пафос вылился в доносы на неблагонадежных. Практика доноительства захлестнула Францию в период якобинского правления. Восторженно встреченная народом всего через несколько лет после падения монархии коронация Наполеона (смотрите в Лувре огромное - что не обязательно означает монументальное - полотно придворного живописца революции Жан-Луи Давида) вернула монархию в лице Бонапарта. Наполеоновские солдаты на своих штыках понесли народам Свободу, Равенство и Братство... так с восторгом писал о наполеоновской армии не кто иной, как Генрих Гейне, опальный великий немецкий поэт и крещеный еврей. Гейне был и блестящим журналистом, умным и едким. Ему ли не понимать того, что солдаты несли на штыках горе и смерть, и голод, и этим нисколько

не отличались от любых других солдат любой другой захватнической армии. Гейне превозносил Наполеона за то, что тот осуществил второй посыл святой триады - Равенство, уравнив евреев в правах с остальными гражданами. В этом сходятся многие биографы великого поэта.

Что касается Равенства, то, ворвавшись в древний средиземноморский порт Яффу, который именовался воротами в Святую землю, наполеоновские солдаты устроили бойню, вырезав за одну ночь все мирное население города, не делая различия между евреями и мусульманами, но пощадив христиан, укрывшихся в монастырях. На улицах образовались горы необузданных трупов и вспыхнула эпидемия чумы. Здесь и произошел эпизод, посрамивший императора, когда он собственноручно (медики отказались) отравил своих заболевших солдат. Весть дошла до Парижа... Весть о резне? Резня быстро забылась. Но умертвить соратников - этот вероломный шаг главнокомандующего историки не преминули помянуть...

Вскоре Бонапарт и вовсе потерял интерес к египетскому походу, соскучился по Парижу, бросил свою армию и вернулся во Францию. Там он возглавил переворот 18 брюмера под лозунгом

защиты Свободы, оказавшейся, по его словам, в опасности - покончив с революцией, которая к тому времени уже всем изрядно обрыдла, прибрал к рукам ее лозунг. Надо признать, хорош лозунг и звучит превосходно! Liberté, Egalité, Fraternité - в нем слышен свист хлыста и троекратный удар/ударение на последней гласной, что в переводе пропадает, разумеется. Ритмичной речевке присущ парализующий гипнотический эффект и ее легко скандировать, но главное - оппозиция Свободе невозможна. Кто же встанет под знамена Несвободы?! Если сравнить Наполеона с Гитлером, что неоднократно предпринималось историками, совпадений окажется немало. Но Наполеон - герой, и его имя произносится с придыханием, а Гитлер - мразь! Наполеон - вкусный торт с заварным кремом, а на торт Гитлер не годится. Неистребимая триада сыграла в канонизации корсиканца не последнюю роль.

Редкий уважающий себя философ не тщился дать Свободе верное определение. Для этого Свободу делили на национально-политическую и нравственно-личную. В языке иврит изначально заложены эти две категории и обозначены они двумя разными словами. Херут - свобода, та, которую жаждет обрести поработанный народ, и хофеш - личная свобода. Есть еще и третье слово - ддор, и значит оно волю, в значении - вольная птица. Имея ввиду библейский исход, Лев Толстой назвал сынов Израиля первооткрывателями свободы. Цена свободы велика - смерть поколения, затосковавшего в пустыне по котлам с мясом, помнящего сытость рабства. По Бердяеву, "сытый и довольный раб - худший враг свободы". Вот и пришлось тем, на чьих губах остался сладкий вкус рабства, 40 лет вымирать в пустыне.

Со вторым значением термина все не так однозначно. Новейшее умозаключение Мамардашвили - "Мы свободны, когда можем выбирать: и чем больше выбора, тем больше свободы" - совпадает с великой максимой талмудиста I века рабби Акивы: "Все предопределено, но свобода (воли) выбора есть". В оригинале не "но", а "и", то есть это не фраза-перевертыш-парадокс, как может показаться при первом прочтении, а единое целое. Все предопределено - это, если хотите, пастернаковское "но продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути", ибо конец земного пути известен, и все же свобода выбора есть". Когда мы делаем выбор, решаем, мы целый мир, мировую цепь кристаллизуем позади себя", - вторит Мераб Мамардашвили рабби Акиве.

"Иногда отсутствие выбора - лучшее, что может произойти", - так пишет в статье к каталогу моей выставки "Ложная правда" в Музее израильского искусства куратор Меир Аронсон. Он

рассказывает о том, что я выросла в доме, где все дышало искусством, поэтому никогда не выбирала специальности. И я не могу с ним не согласиться.

Авторство пресного гегелевского "Свобода - есть осознанная необходимость" поделено между Аристотелем, Спинозой, Марксом и Энгельсом. Рискую захлебнуться в лавине афоризмов о свободе, выныривая всякий раз с ценным уловом. Свобода постоянно меняет личину - оборотень да и только! Она ускользает от определения, и, как пишет Мамардашвили, "ее нельзя обосновать, доказать". А есть ли она вообще, сильфида эфемерная? Гляньте на грузную могучую всамделишную статую Свободы. Одной стальной конструкции, сработанной инженером Эйфелем, 125 тонн, не считая меди и бетона! Эта многопудовость - не безусловно ли вещественное доказательство ее существования?

Раз уж зашел разговор о тяжести свободы, вот вам афоризм Марины Цветаевой: "Крылья - свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они - тяжесть".

Красноречивей многих других о Свободе сказал знаменитый мим Марсель Марсо, не произнеся ни единого слова. Пантомима называется "Клетка". По пустой сцене, пританцовывая, легко движется немолодой, кудрявый, очень худой актер небольшого роста, его лицо набелено, как у Пьеро. Он пересекает сцену вдоль и поперек, пока в дальнем углу не наткнется на стенку, недоумевая отдергивает руку, снова прикасается к стене, проверяет, не померещилось ли ему, движется по диагонали в другой угол - и там наткнется на стену. К удивлению примешивается страх, но это всего лишь капля страха, всего ничего. Ладонями с широко расставленными узловатыми в суставах пальцами человек поглаживает стены, которые существуют только в его воображении, зритель их не видит - сцена пуста. Мим ускоряет шаг, его руки и тело все быстрее скользят по стенам, и ему все меньше и меньше приходится носиться по сцене - стены со всех сторон ближе и ближе подступают к нему. Он мечется в ужасе и отчаянье, клетка сжимается, но он еще может подергивать плечом и сгибать ногу в колене, и шевелить пальцами ног в матерчатых тапочках. Через мгновение прутья сплющивают его, замыкают в себе, давят со всех сторон. Несчастный за гранью отчаяния, но делает попытку раздвинуть прутья. Мы видим, каких усилий ему это стоит. Путья поддаются, лаз все раскрывается, в него удивленно просовывается тощая рука, потом плечо трудно находить выход, высвобождается голова, а лаз все шире, прутья теряют жесткость, клетка разваливается на глазах. Мим потрясен, он весь - удивление, он делает несколько робких шагов - никаких преград. Его ноги танцуют, затем руки и худое пластичное тело пускаются в пляс. Он пересекает большую пустую сцену в радости, он носится по ней как

мальчишка, ноги выделывают крендели, руками он машет в несогласии с ногами. Восторг. Одной рукой актер случайно задевает что-то в углу сцены. Это - стена. Недоуменно отдергивает руку, снова прикасается к стене, проверяет, не померещилось ли ему, движется по диагонали в другой угол и там наткнется на стену. К удивлению примешивается страх, но это всего лишь капля страха, всего ничего...

Афоризм Гейне можно было бы поставить эпиграфом к Клетке Марселя Марсо: "Любовь к свободе - цветок темницы, и только в тюрьме чувствуешь цену свободе".

Свобода, по Бердяеву, исключает равенство. Но поговорим о Равенстве, ведь и оно - дитя Французской революции. Впервые равенства казни у Конвента потребовал потомственный парижский палач Шарль Сансон. В соответствии с законом преступникам-аристократам рубили головы, а простонародье вешали. С победой революции количество казней усечением головы так увеличилось, что палач взмолился - рука рубить устанет! Тогда и была изобретена гильотина, осуществившая на деле равенство сословий. Гильотина пристроилась сбоку к знакомой триаде и там и осталась как легко узнаваемый символ Великой французской революции.

Рядом с гильотиной была сработанная на скорую руку не сохранившаяся сидячая "Свобода, облитая кровью" - ненасытный Молох, урчавший при виде жертв совсем как идола под ветвистыми кронами в библейские времена. У их подножия совершались человеческие жертвоприношения и ритуальные оргии. Отсюда и запрет в иудаизме на возведение идолов (вторая заповедь Декалога), накрепко связанный в коллективном сознании с человеческими жертвоприношениями. Убавило ли Свободе шарму соседство с гильотиной? Нисколько. Она осталась чиста, желанна и, как всегда, недостижима.

А с Братством-то как же? О нем все сказано во "вставной новелле" из Книги Бытие. Отношения между Иосифом и его братьями расцвечены ревностью, высокомерием, коварством, мстостью, жестокостью, корыстью - но неужто все так мрачно? Ну, почему же - в них присутствует и жалость, и любовь, и способность прощать и быть прощенными, и благодарность. Нельзя не дивиться мощному реализму рассказа. Но не годится пересказывать библейскую историю своими словами и портить шедевр - пусть остается таким, как есть - кратким, сочным и очень грустным. В нем все о братстве.

Итак, слово "либертен", вынесенное в заголовок, в отличие от "либертэ" вошло в русский язык. Это человек, не соблюдающий никаких моральных ограничений в сексуальной практике. К либертенам принято относить римского императора Нерона, сыгравшего свадьбу с мальчиком-вольноотпущенником, предварительно кастрировав его. Нерон, между прочим, был воспитан философом-стоиком и моралистом

Сенекой. Император Гай Калигула был известен кровосмесительной связью со своими сестрами. Самый последовательный и знаменитый либертен - это маркиз де Сад. Джакомо Казанова, пожалуй, тоже в этом ряду, хотя Казанова безусловно уступает маркизу. Включаю в список Мессалину (иначе феминистки могут обидеться), она брала количеством. Либертены терпимы к скотоложеству, гомосексуализму и не признают запретов на совоплощения с близкими родственниками. В общем, и с дедкой, и с репкой, и с внучкой, и с Жучкой.

Маркиз де Сад исповедовал ничем не ограниченную свободу в выборе партнеров и в способе удовлетворения похоти. Не только с кем, но и как. В его литературных произведениях и на практике - оргии с применением пыток, удушья, унижений и поедания фекалий. Итальянский режиссер Пьер Паоло Пазолини снял фильм по "120 дням Содомы" де Сада, посмотреть который можно лишь подавляя, не всегда успешно, рвотные позывы. Режиссер перенес действие романа в некую фашистскую республику Сало. Пазолини был поэтом, талантливым режиссером, гомосексуалистом и коммунистом, исключенным из партии за соращение малолеток.

За свои проделки де Сад отсиджал срок в Бастилии как раз тогда, когда революционная толпа взяла штурмом и разрушила крепость. Видимо, сие удачное стечение обстоятельств зачлось ему и, будучи аристократом по происхождению, он не угодил на эшафот, а совсем напротив - стал членом Директории и присоединился к революционной группировке в качестве присяжного ревтрибунала. Вот здесь и случилось весьма интересное. Маркиз не подписал ни одного смертного приговора. Он был развратником-либертеном, но не убийцей.

Черты либертинажа распознаются в хлыстовских радениях: свальный грех, проповедь безбрачия, отказ от деторождения, оскотление и... вегетарианство (а вегетарианство почему?). Сходство хлыстов с настоящими либертенами - только внешнее. Для либертенов извращения - своего рода искусство для искусства, тогда как сектанты устлали ими трудный путь к истинной вере. Хлыстовство не признавало официальную православную церковь, бывшую одним из столпов российского государственного уклада. Тем и привлекло внимание Ленина, но дальше поверхностного интереса дело не пошло. Большевики разглядели в хлыстах некий революционный потенциал, впрочем сомнительный.

Не только в среде православия случались секты либертенов. Еврейский лжемессия второй половины XVIII века Яков Франк из Тернополя, что в Галиции, религиозный авантюрист, еретик и турецкоподданный, уподобившись предыдущему лжемессии Саббатаю Цви, принял ислам, затем дважды переходил в католичество и даже пытался принять православие, но

неудачно. Он толковал сны, жонглировал каббалистической мистикой и увлек за собой немало еврейских душ. Среди потомков евреев, крестившихся вместе с Франком, - Фредерик Шопен и Адам Мицкевич. Родись лжемессия позже, он мог бы быть Жюль Верном или снять фильм о пиратах Карибского моря, или, как Сальвадор Дали, нафантазировать свой сюрреалистический театр-музей в Фигерасе, но он был художником-фантастом своей собственной жизни, мастером головокружительного сюжета, живописных, прекрасно выстроенных декораций и подобранных со вкусом деталей-аксессуаров. Горностаевая мантия, Изенбургский замок в Оффенбахе, где еретик сожительствовал со своей красавицей-дочерью Евой, провозгласив ее женщиной-мессией, содержание домашней армии гусаров, уланов и казаков. Поворот сюжета: после смерти хозяина, похороненного на католическом кладбище по еврейскому обряду, его армия примкнула к новому Мессии - Наполеону. Франк проповедовал нарушение сексуальных запретов Торы и однажды устроил даже оргию на ярмарке. Святотатство, по его учению, и есть истинное служение вере, а в религиозных запретах томятся божественные искры, ждущие высвобождения. Поскольку все запреты отменяются с приходом Мессии, почему бы не приблизить его приход нарушением их уже сейчас.

Основатель психоанализа и великий реформатор современного сексуального сознания Зигмунд Фрейд жил в Вене. Но если копнуть вглубь, выясняется, что его пращурь были родом из Тернопольщины, где еще очень долго после смерти главы секты сохранились островки опального франкизма. Нельзя исключить - как и утверждать нельзя, - что эти самые искры запали в воображение выдающегося психоаналитика. Но доподлинно известно, что один из его основных постулатов как раз и заключается в себе снятие табу на высвобождение сексуальной энергии.

Как здесь не вспомнить о Ницше. Философ видел зло в иудео-христианской системе моральных запретов и считал, что подавление естественного животного начала превращает человека в большое животное.

Но возможно как раз следование запрету на инцест и отличает человека от животного. О библейском табу на мужеложство не рискну заикнуться... Что вы, что вы, я не против! Куда вы меня ведете? Снимите наручники, я за, я не против! Я тоже всегда испытывала влечение к мужчинам!

Римская богиня Либертас возглавляет толпы однокоренных (я имею ввиду латинский корень) рабов-вольноотпущенников, поэтов-вольнодумцев, безбожников - нигилистов, развратников-либертенов и развратниц-либертинок, либералов - одиночек и либеральных партий и группировок всех оттенков и мастей. Иногда разница между ними всего в одной букве.

Ганна РУДЕНКО

Его рисунки украшали обложки *New Yorker* и *Harper's Bazaar* и до сих пор встречаются на самых популярных открытках *Hallmark Cards*. Он рисовал вместе с Пикассо, был любимым художником Набокова, а по вечерам выпивал с Солом Беллоу. Денди в жизни и искусстве, говорящий на английском с легким акцентом графа Дракулы – друзья, романы и деньги текли к нему рекой. И при этом он оставался исключительно одиноким. 15 июня исполнилось 105 лет со дня рождения легендарного карикатуриста Сола Стейнберга.

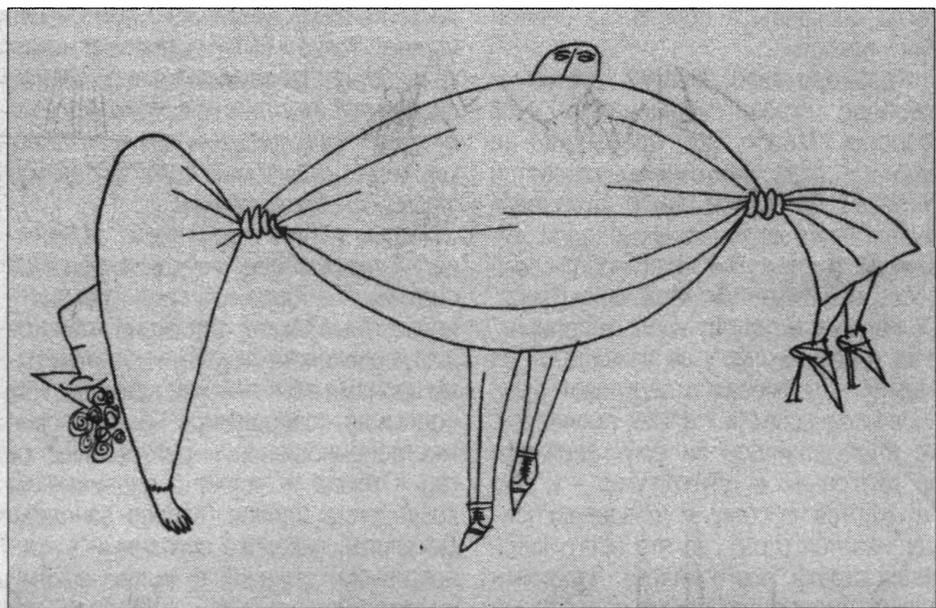
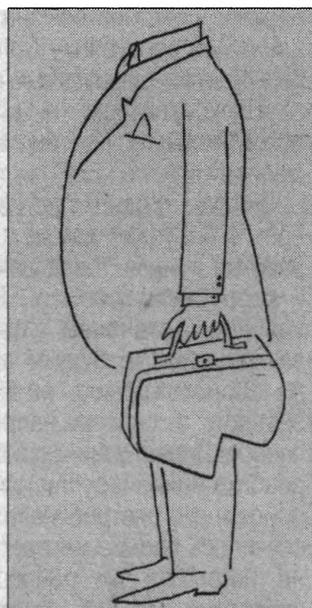
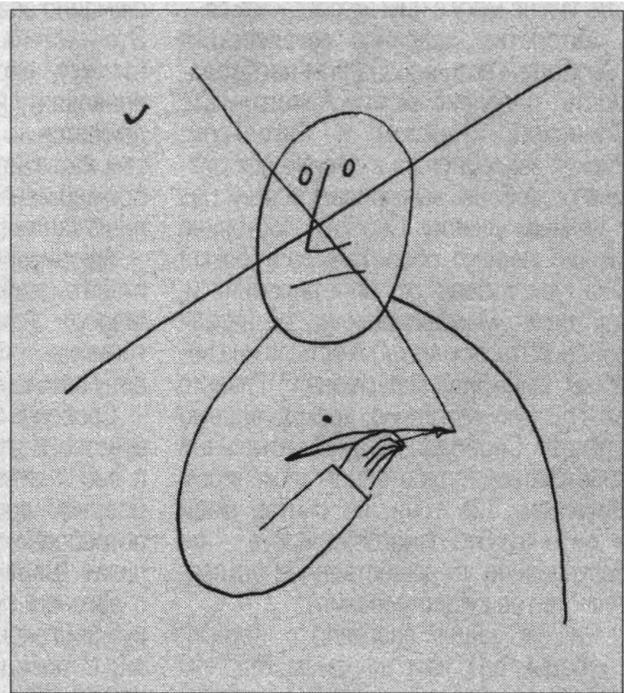
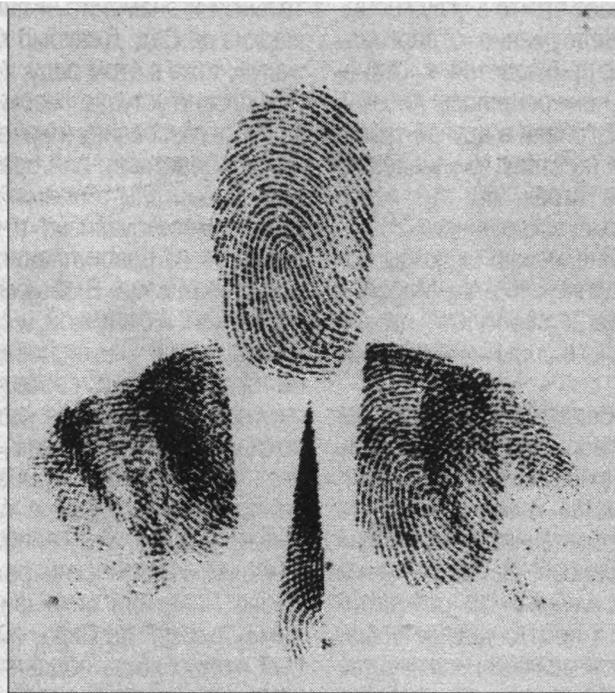
Сол Стейнберг (Саул Якобсон) родился в румынском городке Рымнику-Сэрат в семье печатника и переплетчика книг, которого финансовые трудности заставили стать производителем картонных коробок. Отец Сола, Мориц, был худощавым и тихим, а мать Роза – мощной и эмоциональной, "похожей на дредноут, мчащийся на всех парусах". Семья никогда не была для Сола источником тепла и спокойствия, и он с детства был вынужден находить их в выдуманном, но сильном мире собственного воображения. Сол был прилежным учеником, но еще в школе столкнулся с антисемитизмом, и это, безусловно, сделало его еще жестче. Свои школьные годы он вспоминал как "ад, состоящий из криков, шлепков, пощечин и туалетов". Отучившись год в Бухарестском университете на отделении философии и литературы, Сол в 1936 году отправился в Милан осваивать архитектуру, но в итоге стал развивать свои творческие способности карикатуриста.

"Мой талант открылся для меня только тогда, когда опубликовали мои первые рисунки. Я сделал их за 10 минут, но когда они появились в печати, на страницах, я как замороженный смотрел на них часами", - вспоминал Сол. Его первая работа появилась в миланском юмористическом еженедельнике "Бертольдо" в 1936 году, и за последующие годы издание опубликовало более 200 его рисунков. Но законы 1938 года, принятые во время фашистского режима Муссолини, запрещали евреям заниматься профессиональной деятельностью. Он опубликовал еще несколько своих иллюстраций анонимно, но все это было бесперспективно.

По окончании университета в 1940 году Стейнберг оказался без гражданства и подлежал аресту. Некоторое время он скрывался, но, услышав, что с беглецами, которые решили сдать, обращаются лучше, решил не прятаться - и сразу же попал в концлагерь для интернированных в южно-итальянском городе Торторето. Условия там были тяжелые, есть было нечего, но Стейнберг отвлекался от ужасной реальности рисованием и с головой погружался в книги на английском, взятые у других заключенных. Он зачарованно перечитывал отрывок из "Гекльберри Финна", в котором Том Сойер "приподнимал шляпу церемонно и не торопясь, будто это крышка от коробки с бабочками". Он и сам в каком-то смысле был этой самой "коробкой" с бабочками-иллюстрациями, которые в тот момент только готовились вырваться на свет.

Дяди Стейнберга жили в Нью-Йорке и Денвере и знали влиятельных людей, в том числе и Корнелиуса Вандербильта-младшего, газетного магната и праправнука основателя знаменитой династии. Они добились для Сола визы в Португалию, куда он незамедлительно и отправился. Но прежде чем прибыть на новые земли, Стейнберг решил еще раз встретиться со своей дамой сердца, Адой Онгари, замужней женщиной, болтушкой и любительницей впечатлений, с которой он познакомился в Милане в 1936 году. Он встречался с ней каждый раз, когда позволяли обстоятельства, и помогал деньгами до самой ее смерти в 1997 году. Тогда, отправляясь в Лиссабон, он снова

ПИСАТЕЛЬ, ЧТО РИСУЕТ ДОЖДЬ

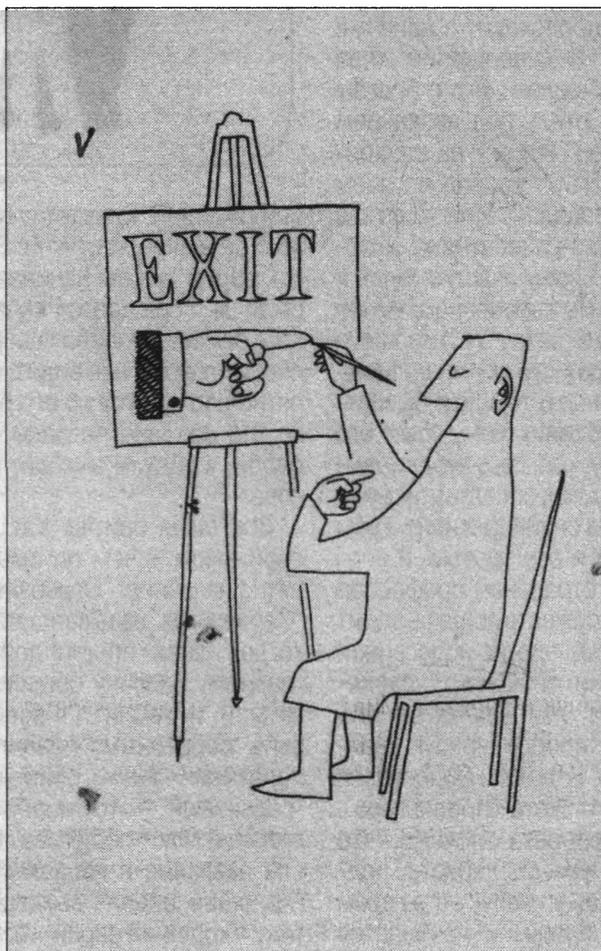
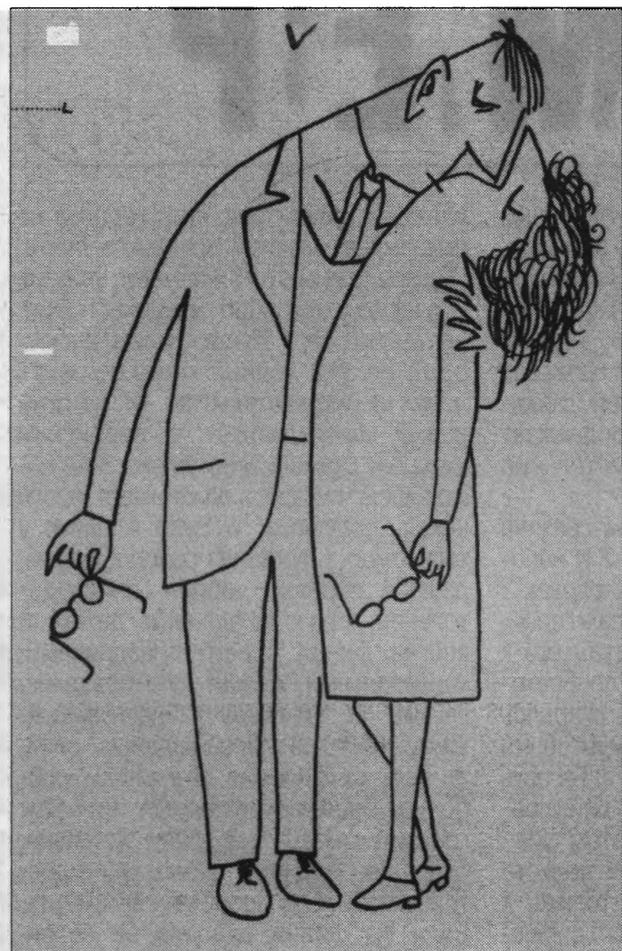
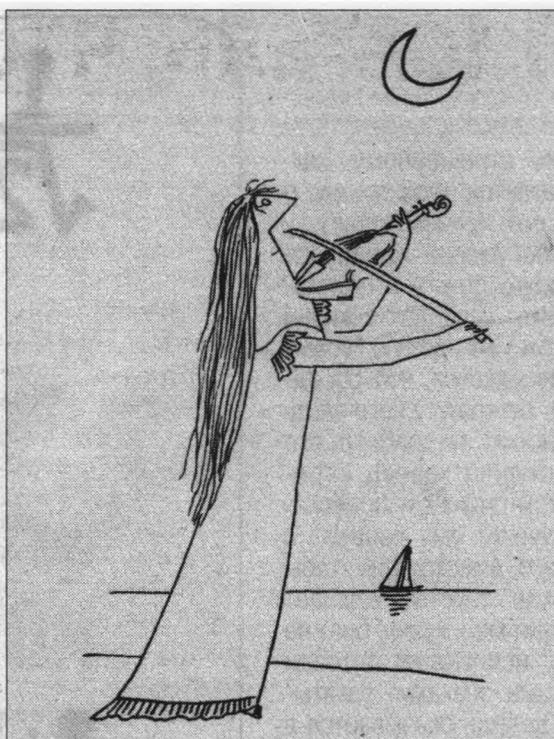
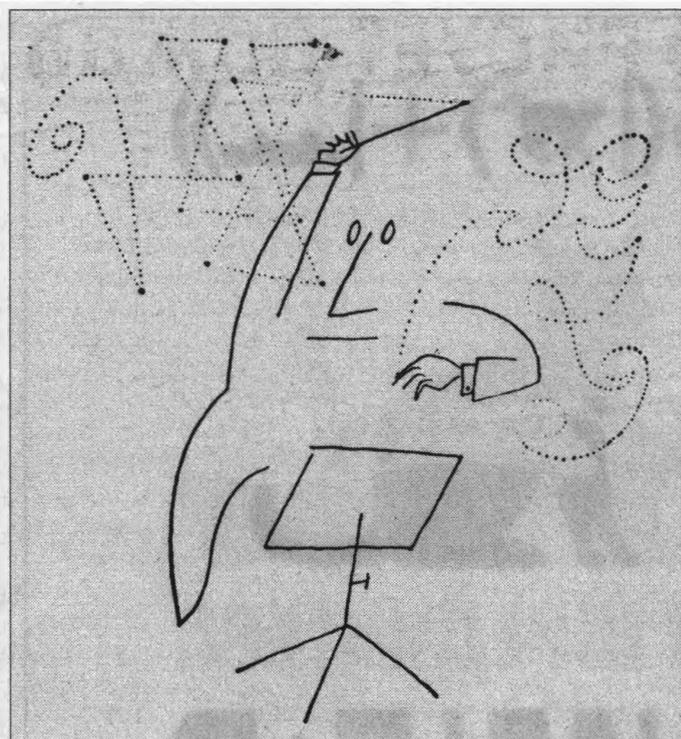
рисковал и заехал в Милан к Аде на день. Но время ждать не могло. На остров Эллис Стейнберг прибыл 1 июля 1941 года, но пробыл там недолго - квота румынских эмигрантов уже была заполнена. Солу пришлось год прожить в Доминиканской Республике, в дикой жаре, борясь с малярией и тоской по Аде, которая стала любовницей его лучшего друга, писателя и архитектора Альдо Буззи, в чем последний и признался Солу в покаянном письме.

Тогда уже Стейнберг рисовал без остановки - американские издания заказывали у него все охотнее. Его индивидуальный творческий почерк к тому времени уже сформировался, и в нем объединились графически четкий подход архитектора и бурная фантазия поэта. В работах Сола появлялись фигуры людей в страшноватых или, наоборот, шуточных обстоятельствах, а также цифры, буквы и геометрические формы, которые очень удачно и остроумно передавали абстрактные понятия. Первая работа Стейнберга для *The New Yorker* - пока только иллюстрация, а не обложка - появилась на страницах издания 25 октября 1941 года. "Мне это очень льстит", - писал он своим родным на английском, которым только-только начал овладевать. Многочисленные поклонники его творчества помогли Солу перебраться из Доминиканы в Майами, а уже потом, в июне 1942 года, на Манхэттен. Первое впечатление Сола от Нью-Йорка укладывалось в три слова: закусовые, девушки, коты.

Призывная комиссия признала Стейнберга и физически, и психически негодным для армейской службы,

но благодаря связям ему все же удалось получить и американское гражданство, и место в армии - его взяли в разведывательную службу Билла Donovanа 19 февраля 1943 года. Сола, знающего европейскую культуру и языки, почему-то определили в Китай, и он занимался пропагандой на одной из плохо организованных баз в этом регионе. Его репортажные зарисовки из Китая и позже из Северной Африки и Италии публиковались в *The New Yorker* и пользовались огромным успехом.

После службы в армии, уже в Нью-Йорке, в жизни Сола появилась художница Хедда Штерн, румынская еврейка. Штерн узнала о Соле через общих друзей - она вспоминала, что "пригласила его на обед, а он остался на полтора месяца". Хедда отказывалась выходить за него замуж целых полтора года, потому что "чуяла бабников за версту", но он обладал "такой харизмой, что она просто-напросто убедила себя в том, что этот его минус не такой уж и минус", и в 1944 году они поженились. Хедда - та самая единственная женщина на исторической групповой фотографии представителей абстрактного импрессионизма, которая появилась в *Life* в 1951 году. Но несмотря на большой талант, она так и не выработала собственный творческий стиль, пожертвовав карьерой ради Стейнберга. Впрочем, их семейная жизнь "оказалась полна страданий и бесконечных его измен, с редкими просветами нежности". Она оставалась главным доверенным лицом даже после их расставания в конце 50-х. Было заранее договорено, что именно она будет

держат его руку, когда он будет отходить в мир иной, и Хедда договор не нарушила. Штерн ушла из жизни в 2011 году, не дожив четырех месяцев до своего 101-летия.

В Нью-Йорке Сол сдружился со многими знаменитыми людьми и "стал желанным гостем в любом доме – практически каждый вечер с тех пор и до конца жизни он ужинал не дома". Владимир Набоков называл Стейнберга своим любимым художником, а сценарист и писатель-юморист С. Дж. Перельман "всегда смешил Сола до слез", как вспоминала Штерн. С писателем и нобелевским лауреатом Солом Беллоу они выпивали, а философ Ролан Барт был его дружеским критиком и называл Стейнберга "неутомимым мастером" риторических метафор. В разное время Стейнберг общался со скульптором Александром Колдером, художниками Виллемом де Кунингом (он подарил Солу свой "Автопортрет с воображаемым братом" 1938 года), Марком Ротко и Филиппом Густоном, а также искусствоведом Гарольдом Розенбергом. А результатом его поездки к Пикассо на

юг Франции в 1958 году стал их совместный рисунок, "коллективный коллаж". Сам Сол утверждал, что он и Пикассо – два самых великих художника XX столетия.

Тонкий и грациозный Стейнберг был денди в жизни – он носил прекрасные костюмы и шляпы с двумя козырьками а-ля Шерлок Холмс, – и в искусстве, поражая всех своим стилем. Он говорил по-английски с легким акцентом графа Дракулы, что отличало его от других и делало его речь загадочной и пророческой. Слушать других он не любил – на вечеринках чувствовал себя растерянно и казался хмурым, когда вокруг него всю веселились и общались. И хотя Сол часто жаловался на одиночество и отсутствие любви, он никогда даже и не пытался изменить стиль жизни – разве что бросил курить и увлекся велосипедами, йогой, стал смотреть бейсбол, играть на скрипке, собирать марки, отточил немецкий и заново выучил идиш. Стейнберг знал, что его поведение отстраняет его от других, но считал, что чувство вины и стыда – вполне нормальны для той "климатической зоны", откуда появлялось его искусство.

Четвертой женщиной в жизни Сола стала взбалмошная Сигрид (Джиги) Шпет, которая пробовала себя в графическом дизайне. С ней он познакомился на вечеринке в 1960 году, и вместе они прожили (или провоевали) целых 35 лет. Между ними возникла мощнейшая химия – она была немкой, а он евреем, которого преследовал ее народ, но, похоже, именно это и подогрело их страсть. В натуре Шпет было мало нордического, она вела себя как хиппи еще до эпохи хиппи – так, однажды Сол Стейнберг немало потратился, чтобы "наконец-то вытащить ее из бабушкиных платьев и одеть Джиги в наряды от-кутюр и купить ей украшения в стиле Мэрилин Монро", отметила Дейрде Блер в своей книге "Биография Сола Стейнберга". Они часто ссорились, в том числе и на людях, и как бы он ни пытался контролировать ее, Шпет отчаянно сопротивлялась – и побеждала. В 1996 году она покончила с собой, сбросившись с крыши дома, в котором Сол снял ей квартиру.

Бесконечные любовные интрижки стали для Сола скорее симптомами, чем лекарством от его хронического ощущения отчужденности. Это же проявилось в его творчестве, характеризующемся простотой и холодной четкостью линий – и в иллюстрациях, и в сюрреалистичных фотоработах, которыми он тоже увлекался. Сол не поддавался повальному увлечению психологией и посещением психоаналитиков в те годы, когда это было модно, и вплоть до последних лет жизни. Но глубокая депрессия, усиленная самоубийством Шпет, привела его к состоянию, в котором он уже был вынужден принимать сильные антидепрессанты и амфетамины. Ему в итоге пришлось посещать психиатра, лечь в клинику и пройти лечение электрошоком, которое очень помогло (правда, ненадолго). Сол всегда считал, что в корне его проблем лежит тот печальный факт, что он родился евреем в Румынии – "чертовой родине, которая уничтожила миллионы людей и никогда меня не принимала", говорил он.

Описывать работы Стейнберга очень сложно – их смысл одновременно прост и глубок, очевиден и тонок. Его метафорические идеи, которые впечатляли на бумаге, в пересказе кажутся банальными, никому не нужными истинами, часто поданными в экзистенциальном и драматическом ключе. Самым популярным (и копируемым другими) рисунком Сола для New Yorker стала "горизонтная" зарисовка "Взгляд на мир с 9-й авеню", ставшая обложкой выпуска от 29 марта 1976 года. На ней изображены многоквартирные дома со спасательными лестницами, 10-я авеню, 11-я авеню, река Гудзон, широкие, но почти пустые штаты США, Тихий океан, который упирается в Китай, Россию и Японию (ни намек на Европу там нет).

Но эта же работа и стала для Стейнберга наказанием. Огромное количество подражаний и откровенных подделок, которые появились практически сразу же, сводили Сола с ума. Конечно, он не мог это терпеть и хотел судиться со всеми, кто использовал его рисунок на всякой дребедени, даже на футболках и кружках, но адвокат его отговорил – слишком уж много было этих подделок. Впрочем, однажды Сол все-таки подал в суд на кинокомпанию Columbia Pictures Industries, которая в 1984 году нагло использовала его "Взгляд" в афише к фильму "Москва на Гудзоне". Адвокаты студии заявили, что на постере просто изображены те же здания, что и в иллюстрации Сола, но художник убедил суд, что он не просто нарисовал эти дома – он пропустил этот образ через свое изображение, и Columbia Pictures использовала именно его видение.

Сол, который называл себя "писателем, который рисует", умер в своей квартире на 75-й улице недалеко от угла Парк-авеню 12 мая 1999 года. В тот день за окнами его квартиры реставрировали фасад особняка – рабочие шлифовали красный кирпич, и мимо окон квартиры Стейнберга плыло облако алой, будто кровавой пыли.

КОТ-ДИББУК

Наум ВАЙМАН

*Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Евфратом ночь: бегите иереи!
А старцы думали: не наша в том вина -
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи!*
Мандельштам, 1917

Братья Джоэль и Итан Козны - замечательные режиссеры, этот творческий тандем - одно из самых интересных явлений в современном американском кино, достаточно напомнить их общепризнанные шедевры: "Бартон Финк", "Человек, которого здесь не было", "Большой Лебовски". Они из тех немногих художников, у которых каждая деталь в кадре обдумана и проработана. Так что фильм "A Serious Man" (в израильском прокате "Хороший еврей") я смотрел с напряженным вниманием. Во-первых, всегда любопытно посмотреть фильм "про евреев", хотя бы с этнографической точки зрения. А это как бы фильм о быте американских евреев, где всякой твари по паре: математики, раввины, адвокаты, дантисты, мужчины и женщины, дети и взрослые. Однако по ходу фильма начинаешь подмечать, что все персонажи "со странностями". Кто больше, кто меньше, но все без исключения. Мир еврейских зомби... Ну, думаешь, такой вот фильм-гротеск, авторы - великие насмешники, решили на этот раз поиздеваться над соплеменниками - над каждым персонажем можно надорвать животик. Во время просмотра в зале не умолкал смех. Но конец оказался неожиданно невеселым, какой-то грубый конец, угрожающий, будто с помраченных небес кто-то, с кем лучше не встречаться, погрозил пальцем. Народ повалил из кинотеатра в полном недоумении и недовольстве: что за ерунда, что он хотел этим сказать? Кто-то рассказал анекдот про женщину, болтающую с подругой: представляешь, ворвался Хаим, вдруг меня изнасиловал, что он хотел этим сказать? Я тоже задумался: что же они, авторы фильма, хотели сказать? Центральный персонаж истории - профессор физико-математических наук, лет сорока пяти, человек добропорядочный и воспитанный в непротивлении злу, живет в собственном типовом коттедже с энергичной женой и двумя детьми-подростками, девочкой и мальчиком, мальчику исполняется 13 лет и он готовится к бар-мицве (для тех, кто не в теме: религиозная церемония совершеннолетия мальчиков). Кроме того в доме временно-долго живет брат героя, человек одинокий, чудаковатый и плохо приспособленный к реальной жизни. В доме постоянные крики и конфликты: между детьми, между дочкой профессора и дядей, который не вылезает из ванной комнаты, между супругами (в начале фильма жена заявляет своему

мужу, несколько отрешенному, как, впрочем, и полагается профессору, о своем уходе к его лучшему другу, у которого недавно умерла жена), все крадут друг у друга деньги и пристают с ерундой. Этот кавардак в жизни героя нарастает и уже идет по "всему периметру": ему кажется, что сосед-антисемит хочет оттяпать у него часть земельного участка; на работе его шантажирует студент-кореец, требующий повысить оценку и провокационно подсунувший ему конверт с деньгами; сын его, вместо того чтобы учить библейские тексты, слушает поп-музыку и курит марихуану; брат не хочет съезжать, исписывает тетради каббалистическими знаками, закатывает истерики, да еще оказывается в розыске за картежные аферы и содомию (действие происходит в наивные шестидесятые). В довершении жена с любовником выселяют его с братом в придорожный отель под названием "Веселый Роджер" (типа - на кладбище) и требуют "гет", развод по всем религиозным правилам. Имеется еще соседка - роковая развратница, которая загорает на своем участке голая и пытается заманить измученного еврея в свои нехитрые сети. У "хорошего еврея" голова идет кругом от конфликтов, его мучат сны: о том, как бывший друг, а ныне любовник жены, бьет его головой об стену, как в его зубах ковыряются дантисты, как сосед-антисемит со своим сыном и снайперским ружьем охотится за ним и его братом. В апофеозе неудач и страданий профессор вдохновенно и торжественно выводит на огромной доске, плотно исписанной математическими знаками, "уравнение Шредингера", пытаясь объяснить студентам суть споров вокруг квантовой механики и даже нарисовав в углу знаменитого "кота Шредингера". Кот - явно неспроста, похоже, что режиссеры (они же и сценаристы) подсунули нам загадку, ребус, в лучшем случае притчу. Фильм и начинается с фольклорной еврейской притчи о диббуке: муж, вернувшись домой, рассказывает жене, что продав гусей на базаре, на обратном пути встретил рабби Грошкова, да ты что, говорит ему жена, рабби Грошкова умер три года назад, это Господь подал нам недобрый знак. Что ты говоришь, смеется муж, я же с ним разговаривал. А жена свое: с тобой говорил диббук, Грошкова умер три года назад. И в это время раздается стук в дверь их избы (а за окном снежная метель, дело происходит давным-давно, где-то в диких просторах Восточной Европы). И тут муж признается, что пригласил рабби в гости, поест и отдохнут. Является рабби - по виду Вечный Жид да и только. Жена сходу обвиняет его в том, что он - злой дух, завладевший телом умершего. Рабби смеется, и тут жена, в доказательство своих

утверждений, втыкает ему в грудь шило с деревянной ручкой. Все замерли. Но рабби вновь начинает смеяться. Видишь, обращается жена к мужу, ему хоть бы хны. А рабби говорит: нет, мне очень плохо. И все видят, как кровавое пятно расходится по его белой рубашке. Но раз мне не рады, продолжает рабби, я уйду, и выходит в метельную ночь.

Вот такая притча. Как она связана с фильмом, в чем тут смысл? И непонятно название: "Серьезный человек"? "Серьезным" называет себя сам герой, когда, плача, просит допустить его к главному раввину общины (посоветоваться), и мямлит: "я всегда старался быть серьезным, правильным, быть полезным членом общины"... То есть "серьезный" - это типа хороший, правильный член общества. В этом смысле название в израильском прокате "Хороший еврей" выглядит "ближе к телу": хороший еврей - тот, кто соблюдает законы общины.

Да в фильме и "людей" нет, одни евреи. И среди всей круговерти карикатурных персонажей нет ни одного не только симпатичного, привлекательного, но и просто "живого" человека. Какое-то механическое, бессмысленное существование, будто по инерции, а их марионеточная "издерганность" - кукольный театр в мире теней. Просто марлезонский балет. Причем доброжелательность - обязательная фигура в хореографии социальных функций. Так почему же эти заводные фигурки вызывают такое раздражение вплоть до чесотки, особенно главный герой, упорно, вопреки здравому смыслу, стремящийся "быть хорошим"? В общем-то, все персонажи стараются быть хорошими, правильными, так его лучший друг, отбивший у него жену, все время обнимает его и ласково

убеждает смириться, хотя герой и не выказывает никаких признаков бунта. И старейшины этого племени, учителя и раввины, выглядят неадекватными, не от мира сего. Ну да, фильм "с юмором", но этот черный юмор не похож даже на издевательство. И, кстати, резко контрастирует с еврейским юмором, скажем, Вуди Алена. Мне показалось, что здесь даже имеет место некая "полемика" с Вуди Аленом: у того юмор, и вообще подход к людям, даже к евреям, добрее, снисходительнее, как к шкодливым детям, и всегда финал у него праздничный, карнавалы, жизнь - это праздник, глупый, но веселый. У братьев Козн юмор жестокий, беспощадный, злой, во всех их фильмах, а в этом - особенно. Временами кажется, что этот горький юмор - на грани отчаяния, будто они говорят: такой мир не достоин жизни. Они пророчат ему смерть. Если бы фильм сделали не евреи, его бы еще назвали антисемитским. Может быть, это такое "разоблачение" американского еврейства, как царства ханжества, и для авторов "хороший" еврей - это мертвый еврей?

Тема, конечно, острая, но решение - слишком "в лоб". И "кот Шредингера" не дает покоя. О чем, кстати, этот парадокс, если вспомнить свою давнюю любовь к физике? Был спор разных подходов к квантовой механике, а по сути, спор между теми, кто видел мир как неопределенность, и теми (Шредингер среди них), кто не мог с этим примириться и требовал ясного ответа. Суть парадокса Шредингера состояла в том, что неопределенность на атомном уровне способна привести к неопределенности в макроскопическом масштабе, то есть, непонятно вообще, жив кот или нет. Шредингер даже создал свою теорию волновой

функции, полагая ее чем-то имеющим непосредственное отношение к реальности, иначе мир превращается в статистическую неопределенность. Поскольку споры велись в тридцатые годы на фоне расовых подходов ко многим проблемам, было бы соблазнительно назвать это спором между еврейской и арийской физикой, мол, Шредингер был ариец, и не мог вынести соотношение неопределенностей Гейзенберга. Но вот беда: и Гейзенберг был арийцем, а евреи горячо поддерживали и тот и другой подход, Эйнштейн, например, поддерживал Шредингера...

Итак, жив или нет кот Шредингера? И тут мелькает догадка: так может в этом суть притч и метафор: "кот Шредингера", он же и диббук - это еврейский народ, о котором определенно не скажешь, жив он, или нет, во всяком случае, тот народ, что остался в Рассеянии. Судя по фильму, скорее мертв, чем жив. Но если воткнуть ему шило в грудь, то кровь все-таки потечет... Только вот чья же душа вселилась в это тело, и почему она "злая"? Уж ни душа ли "западной культуры", она же греко-языческая (некоторые называют ее "христианской", но тут есть о чем поспорить), ни она ли прельщает "тело" и заставляет его плясать под свои дудки? Юные иудеи и иудейки в фильме мало интересуются древней премудростью, они слушают поп-музыку и курят травку. И даже главный раввин общины, по фамилии Маршак, позаимствовав у мальчишки плеер, кажется, увлекся этой музыкой. Поздравляя отрока с совершеннолетием, он задумчиво произносит фамилии участников группы "Jefferson Airplane" и цитирует ее главный хит Somebody to Love: "Если правдой ложь была и надежда умерла..." А в конце фильма учитель иврита зубрит с учениками фразу: "Ани роце лиштоль эц бэ-Эрец Исраэль" (Я хочу посадить дерево на Земле Израеля)...

Нет, это не намек на сионизм, мол, Рассеяние - зло, старое еврейство отжило свой век, а древо жизни расцветет и даст плоды на исторической родине. Скорее подмигиванье. Уже в притче, предваряющей фильм, когда жена обвиняет рабби Гершковера, что он - мертвое тело, в которое вселился злой дух, рабби отвечает ей: "Это в тебя вселился злой дух!" А жена в данном случае представляет Дом. Если уж говорить о намеках, то здесь намек на то, что именно в сионистов вселился злой дух...

И фильм все-таки не "про евреев": неопределенность Шредингера-Гейзенберга шире и глубже национальной проблемы: жив ли кот-еврей или нет. Евреи и тут - метафора, принцип неопределенности жизни вообще, знак присутствия высшей воли, если угодно, так, во всяком случае, я понял замысел братьев Коэн. К этой воле, к Богу, если угодно, и обращается в сердцах герой фильма: "Зачем Он мучает нас вопросами, если не собирается

давать ответов?" Да, без этой высшей воли, без этой неопределенности жизнь стала бы однозначной, похожей на механизм, а люди - на заводные игрушки. И никто бы не пожалел их, даже они сами. Но их жалко, даже когда они жалки. И поэтому через весь фильм проходит - и звучит! - мотив психоделического рока конца шестидесятых Somebody to Love:

*Найду ли кого-то, чтоб полюбить?
Каждое утро я просыпаюсь -
И каждый день уносит частицу бытия -
Гляжу на себя и плачу:
Господи, что же ты делаешь со мной!*

Человек жаждет спасения. Но оно никак не в определенности, а наоборот. Как гласит старая еврейская мудрость: там, где ты нашел истину, ее уже нет. О спасении в фильме есть еще одна притча, очень смешная и загадочная, про еврея-дантиста, который обнаружил на внутренней стороне зубов "простого голя" гравировку на иврите: "Спаси нас!" Раввин объясняет дантисту, что это знак Божий, но что он означает - неясно. "Может, надо помогать людям?" - спрашивает дантист. "Помогайте, - говорит раввин, - вреда не будет". Дантист потерял сон, пытаясь понять послание, но; в конце концов, успокоился и забыл о нем. "А что с гоєм?" - спрашивает профессор у раввина. "С гоєм? - удивляется раввин. - Да кого это волнует?"

"Спаси нас" означает только одно: мы в опасности. И она именно в определенности. В той "научной" определенности, о которой мечтали позитивисты XIX века и о которой Эйнштейн говорил, что Бог не играет в кости. Об этой "определенности" профессор физики видит сон: любящий друг, отбивший у него жену и писавший на него подметные письма в Ученый совет университета, хватается его голову и бьет ею по доске, заполненной уравнениями, бьет и приговаривает: "Пора тебе узнать, как все обстоит на самом деле, что реально и что серьезно - я трахал твою жену, я ее трахал реально и очень серьезно!"

В фильме, впрочем, все как-то "устраивается": друг, собравшийся отнять у героя жену, гибнет в автомобильной катастрофе (хотя поначалу кажется, что погиб именно герой (квантовые соотношения неопределенностей?), обдолбанный марихуаной сынишка кое-как проходит церемонию бар-мицвы и становится ответственным ("серьезным"?, "хорошим"?) евреем, на работе герой, подавшись шантажу, исправляет оценку упорному корейцу и получает долгожданное постоянство, тут и сказке конец... Но вдруг, под занавес, герою сообщают по телефону о смертельной болезни, а сын с одноклассниками, выйдя из школы, видит на горизонте потемневшее небо и надвигающийся смерч. А один из его приятелей, глядя, как набегающий ветер треплет американский флаг, говорит: "Сейчас флаг сорвет на хрен".

ИЗ-ПОД УКАЗКИ

Рав Ури СУПЕРФИН

В школе обожал историю. Учебник по этому предмету был самым красочным, в нем шикарные иллюстрации соседствовали с понятными диаграммами и таблицами. И это в годы повсеместной серятины, на улицах, с газетных страниц, в душах. Древний мир был куда доступнее и понятнее Приамурской области, и это подкупало.

Преподавателем истории у нас была Татьяна Михайловна Вестель, светлой памяти. Лишь к шестому классу до меня дошло, что именно нас с ней роднит, но суть не в этом. Татьяна Михайловна была женщиной подкупающих форм, что, как теперь я понимаю, в нас, мальчишках, будило что-то очень взрослое, неформулируемое и потому избегаемое даже ценой обид объекта восхищения. Впрочем, она тоже в долгу не оставалась; нередко наши уроки выглядели, как прописка полковника ВДВ на зоне. Коса на камень, стенка на стенку, адреналин на тестостерон. Ох, какие молнии там сверкали! Жаль, попорно тогда не было (но были "барбариски"). За глаза злые подростки переиначивали ее должность исторички, меняя "о" на "е".

Мне же хорошее воспитание не позволяло участвовать в гонениях училки. Наоборот, оно заставляло меня быть галантным. Хотя бы по отношению к тем женщинам, чьи формы тренируют мужские шейные хрящи на улице на предмет скручиваемости. И я был лучшим учеником среди мальчишек. Татьяне Михайловне льстило мое джентльменское отношение (на общем-то фоне), старательность и любознательность, поэтому мне она ставила пятерки (по другим предметам они были редкостью невероятной), а меня - в пример обалдуям-одноклассникам.

Но однажды... Урок был посвящен подготовке к выпускным экзаменам, повзрослевшие восьмиклассники уже давно оставили свои подростковые закидоны; на кону стояло первое серьезное свершение в жизни, и было не до бузы. Я же, обласканный успехами хотя бы в данном предмете, пребывал в спокойной уверенности, что пятерка у меня, считай, уже в табеле, и когда Татьяна Михайловна задала мне какой-то вопрос, я, с интонацией лорда после утомительной партии в крикет, ответил, что конкретно сейчас запомнил, но к экзамену обязательно все повторю. И сопроводил заверение жестом навряд-де соломоновского "суета сует".

Длинная указка хлестко щелкнула по парте передо мной! "Ах, ты забыл?!" На учительницу было страшно смотреть, ноздри раздувались, глаза метали молнии, волосы шевелились наподобие Медузы Горгоны. Сказать, что я не ожидал в свой адрес такой агрессии, значит ничего не сказать. Я был мгновенно сломлен, подавлен,

унижен. С этой стороны всегда был отвесный утес, с этой стороны никаких атак не ожидалось! Она еще много чего сказала... мотивирующего, но, в целом, я был как в тумане; все казалось неправдоподобным, нереальным: предмет моего скромного обожания устраивал мне публичную выволочку! И из-за чего? Из-за примерной датировки появления в быту кроманьонцев палки-копалки? Я не верил своим ушам.

Как-то пережив этот стыд (и, видимо, на всю жизнь зарекшись иметь в женах львицу по знаку зодиака), я, тем не менее, решил сгладить фурункул, возникший на коже наших безоблачных досель отношений. И пришел в учительскую. Она... приняла меня сухо, но безусловно приветливо. Вид у меня был... краше из-под бульдозера достают, и женское сердце дрогнуло. "Я должна сказать тебе кое-что важное", - молвил мой первый в жизни (не считая мамы) еврейский учитель. "Ты хороший ученик. Способный. Схватываешь все на лету. Но ты ленив. Думаешь всю жизнь протянуть на своих способностях, не напрягаясь". (Как в воду глядела, эх). "Мой демарш (ага, так выражаются учительницы Ленинграда) на уроке преследовал лишь одну цель: дать тебе понять, что, сколько бы много ты ни знал, как бы талантлив ты ни был, ЕСЛИ ТЫ НЕ БУДЕШЬ РВАТЬ СВОЮ Ж... СДЕЛАВ МАТЕРИАЛ УРОКА ЧАСТЬЮ СЕБЯ, ты не преуспеешь!" И по-матерински добавила: "Ты понимаешь, что я тебе говорю?"

...Я был начитанным, но не умным, и я не понял. Теперь вот вспомнил и понял. Тора, наша святая Тора, дает нам знание, как жить по-божьи. Порой она дает нам толчок, волшебный пендель, чтобы мы начали пользоваться этими знаниями. Но. Делать это должны мы. Мы и никто другой.

Знать - важно, без знания - куда пойдешь? Но идти - еще важнее. "Сделаем, а потом и послушаем". Мне всегда казалось, что главное в этой фразе не демонстрация безграничного доверия, а признание, что НЕ идущий - точно все профукал. А идущий - делает то, что от него ждут свыше. Он может идти не так и не туда, но он идет Ему навстречу! Идет! Не сидит на диване и умничает, а старается. ...И когда наши пейсатые евреи обливаются помоями на просторах бескрайней Сети, я порой слышу хлесткий щелчок указки Татьяны Михайловны: это нам свыше орут, чтобы мы начали двигаться уже, блин! Всё мы знаем, всё правильно едим, и тфилин у нас клевые. Но почему мы не делимся этим с теми, кто на утлом плотике болтается за бортом?..

Как порой нужна такая вот указка! Но нету, все, теперь все сам. Через много лет я узнал, что она покончила с собой. У нее была очень тяжелая жизнь, это ясно. Пусть будет воля свыше, что данный мне урок того, как надо жить, - засчитается ей в заслугу.

Илья ИОСЛОВИЧ

Володя Лихтерман

Володя Лихтерман был прелестный и тихий человек. У него была крохотная пенсия по психиатрической инвалидности, и он успешно на нее жил. В день на еду тратил 30 копеек - в столовой хлеб был бесплатный, манную кашу ему давали с двойным маслом и как постоянному посетителю предлагали добавку. Его маленькая комнатка была до потолка завалена книгами. Встретить его было можно или в читальском зале Ленинской библиотеки для научных работников, или где-то поблизости. Проблема с ним была одна - начав говорить, он не кончал, а так и журчал своим тихим, приятным голосом - до бесконечности. В принципе, рассказывал что-нибудь занятное, но всему есть предел.

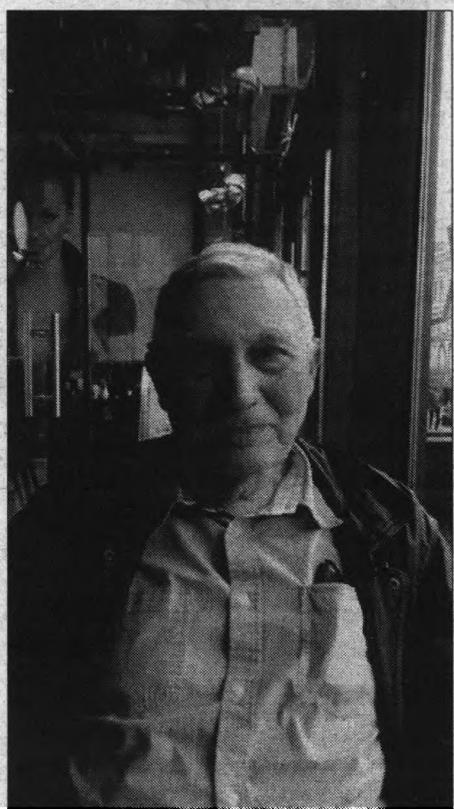
Тут на сцене появляется Жан-Поль Сартр. Дело происходило видимо до 1955-го года, мне о нем рассказывали очевидцы. Сартр уже не был троцкистом и еще не стал маоистом, идолом студенческого восстания 1968 года, и очень активно флиртовал с советскими властями - был членом Всемирного Совета Мира. И приехал на какой-то конгресс в защиту мира в Москве, то есть был "попутчиком", одним из "людей доброй воли" или, как говорили в политбюро, "полезным идиотом".

Я уже не помню подробностей, где Сартр жил, в какой гостинице - в "Москве", "Метрополе" или "Национале", но там, в холле его отловил Лихтерман и начал с ним увлекательную беседу по-французски. Сартр был очарован и предложил Лихтерману завтра же вместе отправиться на заседание конгресса.

Лихтерман надел чистую рубашку и встретил Сартра в вестибюле, как договаривались. Сопровождающие лица засуетились, но Сартр взял Володю под руку, и они отправились на конгресс, видимо пешком, возможно даже в Кремль. Ближе ко входу Сартр Володю вообще обнял, так что оттащить его не было возможности. Так продолжалось до самого входа на конгресс, то есть до самой двери. Там вежливые молодые люди вдруг показали Сартру куда-то вбок и вверх. Удивленный Сартр посмотрел и ничего не увидел, а когда повернулся к Володе - того уже не было.

Молодые люди округлыми жестами предложили Сартру проходить. Он прошел. А Володю в тот момент вдруг сильно дернули вниз и в сторону, а через минуту он уже был в подвале, где его спросили: "Ну и чего тебе надо было? Зачем к гостю прилип? Кто такой?" - и всякие такие расспросы. Впрочем, и для него эта

РАССКАЗЫ О БЫЛОМ

экзистенциальная история окончилась благополучно.

Ленуля

Перед Ленулей по прозвищу "вкусная простокваша" стоял нелегкий выбор. Она должна была выбрать между Шурой и Владленом. Ленуля окончила институт технологии легкой промышленности и работала в КБ легкой промышленности художником-модельером. Каждый день рисовала норму: несколько красивых моделей одежды, а иногда (довольно часто) сама эти модели демонстрировала - ходила по подиуму ("языку"). В КБ платили копейки, а за показ платили по пять рублей. Ее начальница, главный художник КБ, иногда говорила: "Ах, девочки, какие же вы красивые!" И мама, и папа ее работали в торговле - мама была бухгалтер, а папа был замдиректора продуктового магазина. Работа нервная, но прибыльная.

Шура склеил ее на трамвайной остановке, где она искала в магазине клетчатую ткань для юбки, и видно было, что сразу увлекся. Таскал по знакомым художникам, по каким-то древним старухам из прошлого века с их рассказами о балах и постановках императорского балета, дарил старые огромные книги по искусству с гравюрами и литографиями. Выглядел он привлекательно, блондин с голубыми глазами, хотя и еврей, о чем сказал сам. Он был кандидат наук, разведенный, и платил алименты. В рестораны он Ленулю водил, но редко, деньги не транжирил. Ленуле было уже двадцать один год, так что пора было с кем-то переспать, Шура вполне подходил. Маме и папе он не очень понравился, они Ленулю

предостерегали.

Владлен работал вместе с Ленулей в КБ - он был манекенщик. Высокий, цыганистый, веселый и оборотистый. Ездил с коллекциями по заграничным показам, привозил и все время куда-то толкал разные шмотки, денег у него было - завались. Еще он где-то как бы работал экономистом у знакомых, но на работу никогда не ходил, а только получал там зарплату. Где-то когда-то он окончил вуз и имел диплом экономиста. У него была маленькая двухкомнатная квартира, где он жил с бабушкой, за бабушкой надо было ухаживать.

Ленуля некоторое время не знала, как быть, уж очень они были разные. Все-таки Владлен ей был как-то ближе и понятнее. Она сказала Шуре, что они расстанутся. Шура был вне себя от отчаянья - но что он мог поделать? Он написал Ленуле ужасное письмо с проклятиями и страшными предсказаниями ее судьбы - и послал по почте. Письмо попало к Ленулиной маме, которая без малейших колебаний его прочла - вышел скандал.

Владлен устроил шикарную свадьбу и всех гостей после свадьбы развез на такси за свой счет - у Шуры и денег-то таких не было. Правда, убирать квартиру и мыть бабушку Ленуле не понравилось.

Как выяснилось, у Владлена был план - подзаработать много денег и слить за рубеж - вместе с Ленулей и бабушкой. Владлен проведаль или прочел в заграничной газете, что какой-то Сорос хочет поднять курс серебра и обесценить золото. Владлен стал везде скупать серебро - ложки, вилки, посуду и чего попадалось, а как вывезти, он знал - у него был знакомый капитан на таможне. У них стали бывать деловые ребята, что они говорили - Ленуля не совсем понимала. Владлен тоже где-то пропадал и даже осунулся.

Внезапно случилась неприятность - к ним пришли оперативники из милиции и рассказали, что одного делового знакомого ограбили и зверски убили у него на квартире. Его нашли почему-то со спущенными брюками и изнасилованного. Владлен и Ленуля сказали, что ничего об этом не знают и никаких подозрений не имеют. Назавтра к ним пришел электрик проверить проводку и телефонную линию. Телефон после этого стал работать странно: как будто все время раздавалось какое-то эхо.

Через два дня Владлена вызвали в милицию. Он вернулся поздно ночью с лицом синего-черного цвета, так его избивали и что-то еще с ним сделали. Он все время молчал и о чем-то думал. Ленуля не знала, что делать. Через день Владлена опять вызвали

в милицию. Он сказал Ленуле: "Я больше туда не пойду". Ленуля ушла на работу, а Владлен остался дома. Вечером Ленуля вернулась с работы и пошла в ванную. Владлен висел на медной цепочке от верхнего сливного бачка. Ленуля не могла его снять и распутать цепочку вокруг шеи. Пришлось звать соседей, а уже они позвали милицию и скорую.

Через три месяца Ленуля встретила успешного художника, члена МОСХа и профессора Строгановского училища. Он был женат, но обещал Ленуле купить квартиру и вообще помогать - профессионально и материально. Ленуля сдала бабушку в дом престарелых, продала квартирку и переехала поближе к художнику. В ее лице появился даже легкий оттенок перенесенных страданий - что придавало ей особый шарм.

В свое время общая знакомая по прозвищу "нейлоновая кукла" рассказала Шуре эти события, на что он сквозь зубы сказал: "Вашу мать!"

Шура встретил Ленулю через пятнадцать лет незадолго до своего отъезда: он ходил продавать остатки имущества на аукционе в шахматном клубе, а Ленуля вместе с иностранной подругой заехала на своем авто туда что-нибудь купить по дешевке из антикварных вещей, не подлежащих вывозу.

Они сказали друг другу: "Привет!"

Авиаконструктор

Иван Валентинович был замечательный авиаконструктор. Он учился в советском вузе в начале 30-х, когда преподавали еще старорежимные инженеры и учили твердо и насмерть, так что разбуди студента среди ночи - он все помнит и понимает.

Социальное происхождение Ивана Валентиновича подкачалось, посему пришлось ему два года работать у станка, зарабатывать рабочий стаж. Зато потом Иван Валентинович быстро пошел в гору, стал выдавать оригинальные блестящие решения, и к 37-му году у него уже было свое КБ.

Его жена, Полина Всеволодовна, тоже была из бывших. В Крыму в 1918 году на их дачу ночью вломилась красная комиссары и потребовали, чтобы она, пятнадцатилетняя девочка, перед ними танцевала на столе. Это сильное впечатление осталось у нее на всю жизнь.

В 1930-м у них родилась дочка Леля.

Иван Валентинович за свои замечательные самолеты уже получил два ордена, и им обоим казалось, что пока в отдельно взятой стране строится социализм, отдельно взятая семья может успешно и безбедно существовать. А что при поездке на курорт, начиная от Харькова, на рельсы выползают голодные

полутрупы, а занавески на окнах вагонов велено закрывать - так с этим ничего поделаться было нельзя.

Что красные комиссары ночью жрут сырое человеческое мясо - это они слышали, но когда и на кого те кинутся - было неизвестно. В 1937 году пришел черед авиаконструкторов, с которых раньше сдували пылинки. Туполев, Петляков, Иван Валентинович и еще человек пять оказались в тюрьме и сразу узнали, почему кусок лиха. Туполев не имел никаких иллюзий и сразу признал, что давно вступил в контрреволюционную организацию и замыслил при случае убить товарища Сталина. Его почти не били. Петляков не сразу понял, куда попал, и ему досталось. Ивану Валентиновичу казалось, что признавать всякую чушь собачью - все равно что терять достоинство человека и мужчины - его обработали как следует, так что когда товарищу Ежову указали на допущенные ошибки и в органы пришли кадры товарища Берия и были организованы шарашки - Ивана Валентиновича пришлось сначала медицинскими методами ставить на ноги и приводить в рабочее состояние.

Интеллигентный человек, если его не бьют и дают 40 грамм сливочного масла, может творить и в темнице сырой. Иван Валентинович придумал совершенно новые решения, и его самолет летал уже на параде 1939 года. В середине 1940 года Ивана Валентиновича освободили и наградили, но не реабилитировали - и назначили директором большого авиазавода. Квартиру и мебель вернули и еще подарили автомобиль М-1.

Мой приятель Снейк познакомился с Лелей в 1960 году. Леля была приятная девушка, но ничего особенного. Снейк привез ее покататься на своей яхте на Клязьминском водохранилище в яхт-клуб МГУ. Леля вышла на пирс, указала на яхту красного дерева каких-то адвокатов и сказала: "Пожалуй, я бы такую купила..." Я на это ей ответил: "Леля, тут надо воду отчерпать, вот тебе тряпка..." С ней вполне можно было иметь дело, но я не мог привыкнуть, что, сидя за рулем собственной "Победы", она ругается как извозчик. Снейк очень нравился Лелиной маме Полине Всеволодовне - и своим купеческим происхождением, и знанием французского языка. К сожалению, пока Снейк раздумывал, у Лели появился какой-то плейбой, за которого она и вышла. Снейк остался другом семьи.

Иван Валентинович прожил еще довольно долго, пережил разные взлеты и неприятности при волонтеристе Хрущеве, стал легендой и классиком отечественного самолетостроения и внезапно умер в середине 80-х. Когда в кремлевской больнице делали вскрытие, патологоанатом сказал Полине Валентиновне с грубостью гробовщика: "Он что у вас, с деревьев падал? У него весь мозг в

гематомах!" Полина Всеволодовна ничего на это не сказала. Это были не падения с деревьев, это были следы ударов резиновой палкой по голове.

Сионистская байка

В 1970 году меня призвали на однодневные сборы офицеров ПВО. Привезли в часть под Москвой, провели занятия, я встретил университетских однокурсников, немного отвлекся. По результатам этих сборов я получил звание старшего лейтенанта, то есть сравнялся со своим отцом. Он это звание получил после шести лет на фронте в трех войнах с 1939 по 1945. Очевидно, в запасе служба идет веселее.

На сборах среди офицеров выделялись местные герои - два капитана, бывалые участники боев в Египте с израильской военщиной. На них специально водили смотреть. Они были рады поделиться.

30000 человек советских войск сидели в песках на страшной жаре, оказывая Египту интернациональную помощь. Отношения с местными были не слишком сердечные. Капитан рассказывал: если этот "Мираж" летит, лучше всего станцию выключить и от нее бегом, он же по радиолокационному лучу наводит ракету. Рот раскрыл - и тебя нет вместе со станцией. Местные все идиоты: спирт в аптеке стоит копейки, дают без рецепта, а они не покупают. Народ очень жадный: баба, даже самая грязная, бесплатно не согласна, обязательно хочет денег. Вряд ли тогдашние участники этой Войны на истощение теперь ездят отдыхать в Египет, скорее всего у них нет на это денег. Тех самых, которые СССР вбухал в эту бессмысленную авантюру. Говорят, что эту арабскую политику придумал Шепилов.

Наверно, потом в ссылке ее последствия его сильно развлекали и забавляли.

Народ, который все видит, с самого начала произвел модифицированную басню: "Никита охнуть не успел, как на него Абдель Насер".

Женитьба

*Пьеса в одной картине
для народного театра*

Действующие лица:

Б. - кандидат технических наук, 39 лет.

И. - кандидат физико-математических наук, 36 лет.

Муромцев - большой ученый (за сценой).

Невеста Б. - 32 года (за сценой).

Зина - аспирантка, 24 года (за сценой).

Сцена представляет собой кузов автомобиля "Москвич".

Начало мая. Загородное шоссе. Б.

перевозит И. на дачу. Машина забита туками и чемоданами.

И. Смотри на дорогу.

Б. Свадьба в субботу. Она хочет, чтобы я для каждой незамужней подруги пригласил кавалера.

И. Конец - делу венец. Других проблем нет?

Б. Тут Муромцев, научный руководитель моей бывшей Зины, просочился на дачу и со мной познакомился.

И. Как просочился? Зачем?

Б. Якобы был в гостях у соседей.

И. И что ему надо?

Б. Вел светские беседы. Сказал, что у Зины не все дома, что от нее надо держаться подальше.

И. То-то мне говорят, что он держится поближе. Как пишут в стихах: "Загляну-ка я под мини, интересно, что под ними..." Надежда умирает последней. Все равно, ведь она тебя бросила окончательно. Ты же женишься.

Б. А Зина звонила. Возникла из ниоткуда.

И. И что?

Б. Приехала и говорит: вы женитесь, а как же мы с вами? А я думала...

И. Какая стерва! Не обращай внимания. Смотри на дорогу.

Б. Я хочу отменить свадьбу. Она хочет вернуться. Я себе не прощу. Меня тоска заест.

И. Ты рехнулся? Это уже за пределом. Это даже не Гоголь.

Б. Я не могу.

И. Так не делают. Такой скандал! Позор! Это невозможно. Это жестоко. Они уже кур зажарили.

Б. Не зажарили.

И. Поставь себя на ее место. Она этого не заслужила. Да никто не заслужил. Всему есть предел. В конце концов, женись, а потом разведись - все приличнее.

Б. Не могу.

И. Да эта Зина дурака валяет. Ты ей не нужен. Просто считает тебя собственностью. Через неделю опять исчезнет. Как сон, как утренний туман.

Б. Не исчезнет.

И. Доказала делом?

Б. Да.

И. Для нее это ничего не значит. Теория стакана воды. Вот увидишь.

Б. Не знаю.

И. Смотри на дорогу.

Социальное расслоение

Шура сидел дома один. Тут ему позвонил друг детства Митя и предложил привести в гости несколько женщин из института медицинской гигиены.

Он был очень общительный. И привел трех женщин.

Среди этих женщин одна была помоложе и вроде ничего, если смотреть не слишком внимательно.

Шура завел проигрыватель и поставил французское танго "При звуках дождя". "При звуках дождя никто не приходит, а мое сердце трепещет". Шура ей сказал: "Напишите мне свой телефон".

Она спросила: "А почему именно я?" Шура ответил: "Ну, это же очевидно".

Потом она разговорилась и рассказала свою историю. Ее муж с ней расстался, а у нее были плохие отношения с братом. Так этот ее муж в качестве прощального подарка этого брата зарезал. И теперь сидит в тюрьме, но должен вскоре выйти. А от брата ей в наследство остался мотоцикл.

У Шуры несколько отвисла челюсть. Как говорится: придерживайтесь своего социального круга. По инерции он еще некоторое время с ней общался, свозил на дачу к Снейку. Там она отказалась мыть посуду, зато с интересом участвовала в процессе автогенной сварки - Снейк чинил машину. В общем, по совокупности причин Шура ей звонить перестал. Через недолгое время она сама позвонила и сообщила, что вообще-то сама решила дать Шуру отставку. Но раз он не звонит, то тем лучше. Ну что же, могло быть хуже.

Снейк очень смеялся. В то время, как ему просто повезло: она явно на него положила глаз и собиралась махнуть. Ведь ремонт машины был еще в самом начале. А у нее был явный интерес к технике.

Кстати, о ремонте. Ремонт, в сущности, осуществлял знаменитый Митрич, придворный механик разных юных талантов. Не так много надо было ему платить, как много надо было его в процессе непрерывно поить. Соблюдать тонкую грань, отделяющую недопой от недееспособности. Это было Снейку совершенно не по карману. В качестве нашего ответа Керзону, Снейк соорудил самогонный аппарат. Технические таланты многих поколений успешных предков-купцов сыграли свою роль. Прекрасная химическая трубка, одолженная в Институте тонкой химической технологии им. Менделеева, соединилась с устройством для фильтрации на абсорбированном угле. Благородная жидкость имела коричневый оттенок и легко выдавалась за азербайджанский коньяк. На основе опыта производства Снейк сделал кардинальный вывод: дело не в схеме фильтрации, главный принцип - не пить из-под крана.

Так эта схема и работала, пока машина не была отремонтирована. Непосредственно перед концом ремонта процесс производства пришлось свернуть. Информация о волшебном источнике распространилась по Болшеву, и ночью стали появляться колоритные личности с просьбами: "Снейк, налей стаканчик, душа горит!" Шура решительно заявил: "Снейк, закругляйся, милиция займется уже завтра, не позже". Снейк мрачно разобрал устройство.

Впрочем, знакомство с социальными низами не миновало и его. Через короткое время на даче появилась чрезвычайно юная певица из Москонцерта, громко исполнявшая песню: "Приезжай ко мне на БАМ, я тебе на шпалах дам". Интеллигентные соседи могли слушать исполнение со своих участков через забор.

Раве САГИ

ЧЕТЫРЕ НОВЕЛЛЫ

Быстрое питание

Девочка четырнадцати лет спрашивает меня, что такое апартеид. Это моя дочка. Я вдруг почувствовал, что жизнь очень долгая.

Мы сидим в "Макдональдсе". Снаружи идет проливной дождь, да такой, что может краску содрать на автомобилях или пробить тебя до костей. Дочка возится в своем пакетике с палочками картофельных чипсов, складывает из них на тарелке что-то похожее на домик. Потом спрашивает меня, закончил ли я есть, собирает неоткрытые пакетики с соусами и засовывает себе в сумку - скоро я их увижу на верхней полке дверцы ее холодильника. Я смотрю на наши с ней подносы с едой - каждый, как поле боя после сражения, - и во мне растет чувство глубокого сожаления, перехватывающее мне горло. Я же вообще не хотел есть, но сделал это ради нее.

...С тех пор, как я развелся с ее матерью, дочка постоянно заботится обо мне: я слишком тяжело работаю, я мало ем, у меня недостаточно денег, мне нужно одеваться теплее.

Я хочу, чтобы она перестала тревожиться об этом. Я смотрю в окно на детей, которые играют во дворе на синтетическом зеленом ковре, и вспоминаю ее детство, если таковое у нее вообще было. Вспоминаю, какой я тогда был нервный, нетерпимый, раздраженный.

Дочка вытягивает руку и стряхивает крошки у меня с рубашки. В последнее время она перестала говорить мне о том, что я несовременно одеваюсь, указывать на состояние обуви, на то, как я стригусь и как часто бреюсь, будто поставила на этом крест. Мои шутки больше не смешат ее, а на людях она стесняется их.

Сейчас она переписывается с кем-то по своему мобильнику. Наполовину здесь, со мной, наполовину - там. Волосы выкрашены в красное, длинные ресницы дрожат, когда она набирает сообщение. Много лет назад, она была почти маленькая, мы с ее матерью развелись, и я перебрался с ней жить в свою квартиру. Когда она ночевала у матери, я спал в ее кровати, согнувшись, проникаясь ее запахами...

Она поднимает на меня глаза и говорит: "Я должна попросить тебя кое о чем".

Я смотрю на нее, ожидая.

- Мне нужно, чтобы ты записал меня к гинекологу и сходил со мной.

- Ладно, не проблема, - отвечаю ей, - но не будет ли тебе удобнее сделать это с мамой?

Она снова начинает закрывать картонные коробочки с оставшейся едой.

- Я не хочу, чтобы мама знала.

- Почему?

Она пожимает плечами, глаза скользят по залу. Она красивая, самая красивая в моих глазах.

- Не хочу, чтобы мама знала. Не хочу ее огорчать.

Литературная сцена Израиля, не обращая внимания на, казалось бы, судьбоносные политико-государственные коллизии, живет своей жизнью, появляются новые литераторы, хорошие и разные... Сегодня редакция представляет любителям ивритской литературы новое имя - Раве Саги. Автор уже четвертого сборника новелл, он погружает читателя в камерный мир своих героев, главным из которых зачастую является он сам. Первая публикация на русском языке.

Врезка и перевод с иврита Александра Крюкова

Я согласно киваю. Дождь снаружи стихает.

Дочь приближает челку к носу и нюхает.

- Фу, противно, - произносит она искренне. - Нужно помыть голову. Ну, поехали домой?

Автобус

Ты очень устал, добравшись до центральной автостанции, а нужно еще дождаться автобуса, чтобы поехать по-видать дочек. Так устал, что мечтаешь только об одном - чтобы автобус уже подъехал, ты бы уселся у окна, прислонил голову к стеклу и часок поспал, но это вряд ли удастся: салон, как обычно, наполнен гремющей музыкой и громкими разговорами. Все- в мире больше нет места для уединения. Тебя кажется странным, что окружающие тебя в автобусе люди держат в руках аппараты сотовой связи, стоимость которых выше цены той машины, что была у тебя, над которой все время смеялись дочка, той старой, в которой не было даже кондиционера, и которую ты клял про себя, но вслух ничего не говорил, чтобы не проговориться, что и эту развалюху ты более не можешь содержать.

Ты голоден. Густые запахи жарящейся снеди из кафешек в здании автостанции заставляют желудок выделять сок, однако денег у тебя в кармане только на билет в один конец. Деньги на дорогу обратно ты думаешь попросить у бывшей жены или опять взять из жестяной баночки, что возле

кровати дочери. Но себе ты, конечно, клянешься, что вернешь их при первой же возможности, сразу, как только сможешь. Хорошо, что дочка не знает, сколько у нее там точно этих шекелей, а если вдруг нехватка обнаружится, то скорее всего вину возложат не на тебя, а на приходящую уборщицу.

Когда автобус наконец подходит, ты оказываешься затерт в очереди между солдатами, молодыми туристами и такими же как ты сам жалкими неудачниками, и ты пахнешь как они - проигравшие сражение с жизнью.

Войдя в автобус, ты ищешь место, и тут она зовет тебя, машет рукой из конца салона. Твоя мать. Она едет в центр города и случайно заняла для тебя место, а ведь по четвергам этот маршрут всегда переполнен, и многие стоят в проходе всю дорогу. Ты проталкиваешься к ней, и она говорит: "Смотри, как получилось - уже месяца два я не вижу и не слышу тебя, и вот ты вдруг здесь, я едва узнала тебя, то есть, смотрю - кто-то знакомый, но сначала не могла поверить, что это ты".

Ты устраиваешься поудобнее на сидении между ее сумками и пакетами. Она спрашивает, не голоден ли ты, и вдруг что-то внутри тебя расслабляется, тебе более не нужно защищаться от окружающего мира. Она достает для тебя бутерброд с маргарином, сыром и помидорами и, увидев, как моментально ты его сжевал, дает еще яблоко и конфету. Ну вот, тебе снова пять, шесть или семь лет. Она берет твою руку в свои ладони. Ты оглядываешься на окружающих - когда-то ты стеснялся

ее, а теперь - только себя.

Она говорит, что больше ничего нет, а ты начинаешь бормотать, что нужно было рано встать на работу, а потом сразу мчаться на автовокзал, чтобы успеть на автобус...

Пейзаж за окном меняется на глазах, стоит послеобеденная жара. Ее телефон начинает звонить, она суетливо вытаскивает его, три раза почти кричит в него "Алло" перед тем, как решает отключиться. Затем, волнуясь, набирает сообщение подруге, что случайно встретила тебя в автобусе - "Прямо как в кино!" Ты прикидываешь, мог бы быть героем фильма, но понимаешь, что вряд ли, в лучшем случае - персонажем второго плана где-нибудь на заднем фоне...

Ты достаешь книгу и когда уже было устроился, чтобы почитать, вдруг видишь, что она задремала, по-прежнему сжимая твою руку, как бы забыв про нее. Ты смотришь на спящую и не забираешь свою руку, опасаясь разбудить мать, затем наклоняешься к ней и кладешь голову на ее плечо.

Дзюдока

Это было в то мое "британское" лето: с головы до пят я одевался во все только черного цвета, носил ботинки "Доктор Мартенс" и слушал исключительно The Cure, The Clash и The Smiths*. Весь день я обдумывал планы осуществления революционных выступлений против злодеяний правящей власти, однако к вечеру напивался и планы оставались планами у меня в голове.

Именно в то лето я влюбился в девушку, занимавшуюся спортивной борьбой. Ее звали Паула Каплински, и она была чемпионкой страны в тяжелом весе. Я познакомился с ней однажды вечером, когда проколол колесо у автомобиля, и она остановилась помочь мне. При росте сто девяносто восемь сантиметров против моих ста шестидесяти с чем-то она возвышалась надо мной головы на три-четыре. С того мгновения, когда на меня упала ее обширная тень, я понял, что хочу эту девушку. После того, как мы поменяли колесо, я пригласил ее ко мне - выпить пивка, и к моему удивлению она согласилась.

Мы начали встречаться в моей квартире после ее каторжных тренировок.

Она приезжала в своем синем спортивном костюме "адидас", еще не остывшая, лицо и шея красные, бросала свою огромную сумку у двери. Я готовил ей яичницу из восемнадцати яиц и большую тарелку макарон. Каждый раз, когда мы занимались любовью, я ощущал себя покорителем Эвереста.

Порой, перед тем как приступить к главному, ей нужно было чуть завести, тогда она валила меня на пол, стаскивала с меня одежду и так прижимала к себе, что я должен был признаться, что сдаюсь. Иногда, когда я мыл посуду, она подходила ко мне сзади, захватывала в двойной нельсон и поднимала в воздух. Я ощущал спиной ее большие груди и это меня здорово возбуждало. Когда

мы занимались любовью, она частенько просила меня обхватить ее за шею и начать душить. А однажды, сотрясаясь от сильного оргазма, она непроизвольно так врезала мне кулаком, что я слетел с кровати и трахнулся головой о батарею.

Я приходил на работу с глубокими тенями под глазами, а как-то вообще заявился с таким фонарем под глазом, который потом не проходил две недели. Ребята на работе встревожились, а я был влюблен по уши и чувствовал себя на седьмом небе...

И тем не менее, по прошествии нескольких месяцев, когда новизна ощущений притупилась и страсть поутихла, то, что вначале круто заводило, стало надоедать. Теперь каждый раз, когда она входила в квартиру, я старался как-то держать "безопасную" дистанцию, отдалять тот момент, когда она прижмет меня к себе и потащит в постель, как победитель свой трофей. Вскоре я начал по-настоящему напрягаться и уже с неприязнью ждал звука ее шагов на лестничной площадке. Ее прикосновение, даже самое легкое и нежное, заставляло меня сжиматься. Я стал выискивать предлоги, чтобы допоздна задержаться на работе, надеясь, что, когда вернусь домой, она, уставшая, уже заснет. Я начал принимать болеутоляющие таблетки за десять минут до возвращения домой или напиваться до бесчувствия перед ее приходом...

Однако в то же время я боялся расставания с ней, боялся того мгновения, когда она поймет, что я больше не люблю ее, боялся, что от огорчения она меня может искалечить. Когда она засыпала подле меня, я тихонько вылезал из постели и слонялся по квартире, курил сигарету за сигаретой, охваченный страхом предстоящего. Я прокручивал в голове многочисленные сценарии нашего разрыва, и все они сводились к тому, что или она переломает мне кости, и я останусь весь в гипсе, или вообще приедет меня. И вот, будучи на грани отчаяния, когда я уже был готов предложить ей пожениться, однажды вечером она вдруг звонит, взволнованная, и говорит, что у нее есть важные новости.

Всю дорогу домой я думал, что она беременна и что все ее разговоры о том, что главное - это как раз не забеременеть и не потерять из-за этого физическую форму, сейчас, когда она только в начале своей многообещающей спортивной карьеры, - все это было чертовой болтовней. Однако, приехав домой, я увидел, что она расстроена. И не успел я спросить о причине, как она сама рассказала мне, что получила спортивную стипендию для продолжения тренировок в Японии и что уже на следующей неделе она летит туда со своим тренером. Она плакала и говорила, что несмотря на всю большую любовь ко мне ее спортивная карьера важнее. Мы любили друг друга в последний раз, а меня наполнило чувство огромного облегчения.

...Иногда, когда я сегодня слышу по радио в автомобиле песни The Cure, The Clash или The Smiths, я вспоминаю

ее и даже тот легкий запах пота, который исходил от ее синего спортивного костюма "адидас".

Словно на похоронах королевы Великобритании

- Я не смогла найти ее цепочку, - говорит мама мне в затылок.

Даже когда мы с ней едем в автомобиле вдвоем, она всегда упорно садится на заднее сидение.

Я пытаюсь подстроиться радио - когда мы съехали с шестого шоссе в Вади Ара, прием значительно ухудшился.

- Понимаешь, о чем я говорю? У нее была такая толстая длинная золотая цепь, очень дорогая.

- Твоя мать умерла, - как бы напоминаю я и пытаюсь поймать ее взгляд в зеркале заднего вида. "Неужели именно это так занимает ее сейчас - какая-то гребаная золотая цепь?"

В салоне воцаряется молчание, а единственная радиостанция, волну которой удается поймать, передает звуки разрывов "катюш", падающих в поселениях Галилеи.

Бабушка умерла на десятый день после начала боевых действий. Ей было девяносто три года, она болела, и во сне отправилась бродить по поселению, в котором прожила всю жизнь, - кибуц в Западной Галилее на границе с Ливаном.

Мама позвонила мне вчера и сказала: "Совершенно не представляю, сколько людей соберется на похороны, офицер безопасности кибуца сказал, что нужно пригласить только самых близких".

Я вспоминаю, что когда мы были маленькими, то по дороге туда всегда останавливались размять ноги на берегу в Ахзиве. Иногда в субботу ездили в Рош а-Никра и в вагончиках канатной дороги спускались вниз побродить в мокрых пещерах.

- Я оповестила всех, - нарушает мама молчание, - но предупредила, чтобы они не особенно рвались - из-за военной ситуации и все такое. - А после паузы добавляет, вроде как себе самой: - Вот же нашла себе время умереть...

Едем медленно - перед нами идет колонна военных трейлеров с танками на платформах. Я оглядываю арабские дома, спускающиеся с вершин холмов к шоссе.

- Что ты на них смотришь? - ворчит мама. - Эти... заняли у нас самые красивые места, да еще жалуются. Надеюсь, что никто тут еще не запустит нам камень в автомобиль.

При виде арабских подростков, стоящих вдоль шоссе и продающих из корзин байгеле и финики, в животе дает себя знать голод.

Мама никак не уgomонится на заднем сидении:

- Я уверена, что кто-то из obsługi в кибуце спер ее.

- Что - ее?

- Да цепочку, что же еще... Я просто уверена, что кто-нибудь из персонала

дома престарелых в кибуце прихватил эту цепочку, - говорит она и непроизвольно поглаживает себя по шее в том месте, где, наверное, должна бы была находиться эта вещь. - Говорю тебе, до последних дней она ежедневно выходила на работу на их предприятия и была в полном сознании, только в последние дни у нее начала болеть голова, она стала нести чепуху и не понимала, что и как. Я уже давно говорила Хилику, что не доверяю этим, этому арабскому медбрата, которого они приставили смотреть за ней. Да еще это: на прошлой неделе она одна вышла из домика, никто и не обратил внимания, и потерялась. Потом выяснилось, что она завалилась в кусты, не могла сама подняться, почти кончилась на жаре без воды, пока ее нашли.

Мама достает из сумки какую-то еду и запах детства распространяется по салону автомобиля:

- Я захватила бутерброды, чтобы нигде не останавливаться. Бог знает, что эти кладут в свои байгеле... Посмотри на них - радуются, надеются, что "Хизбалла" прикончит нас.

- Может, она положила эту цепочку куда-нибудь и забыла, - говорю я, - в какой-нибудь ящик в квартире?

- Чего это вдруг? - охотно отзывается мама. В уголках рта у нее маргарин из бутерброда, тоненькая ниточка слюны повисает между губами, когда она говорит. - Хилик там везде посмотрел, а ты как думал? Хотя... Поди знай - может, он сам и взял ее. Для своей жены.

Однако, немного подумав, она все же начинает защищать младшего брата: "Не-е-т, вряд ли, он такого никогда не делал".

Она говорит мне, что хочет, чтобы после ее смерти цепь стала моей. "Понимаешь, когда мы сидели шиву по Дворе..."

Двора, старшая мамина сестра, умерла от рака три года назад, и это подкосило бабушку.

"...Мать ведь не должна хоронить дочь, - подвывала она тогда у меня на плече, - продолжает мама, - слезы стояли в складках дряблой кожи ее щек, повисали на волосках, которые росли на подбородке..."

После перекрестка Шломи нас начинает пугать грохот залпов нашей артиллерии: "бум", пауза, "бум", пауза, "бум". Я пытаюсь представить себе,

что сейчас творится в обстреливаемых деревнях по ту сторону границы. Постепенно мы вроде привыкаем к ритму залпов, однако при каждом новом "бум" тело непроизвольно сжимается, сокращаются мышцы.

...В бабушкиной квартире Хилик встречает нас со своей обычной смешливой манерой разговаривать. Он приехал из Тель-Авива вчера и успел все подготовить. Сейчас он погружен в разговор по телефону - выслушивает соболезнования. От его одежды исходит резкий запах пота, под глазами - глубокие тени. Трое его детей сидят на разложенном диване, на котором я спал, когда приезжал к бабушке на каникулы. Несколько лет я не был здесь, и ничего не изменилось, даже мама также мечется по комнатам.

- Гершон и Циля не приедут, - объявляет нам Хилик и закрывает телефон. Многие звонили и говорили, что хотят приехать, но я им сказал, чтобы не тревожились, поскольку сейчас здесь достаточно опасно, и это облегчило ситуацию.

На кладбище, на фоне красот природы окружающих холмов, вокруг гроба, завернутого в черную материю, собралось десять потных кибуцников. Когда гроб начали опускать в могилу рядом с дедушкиной, вновь загрохотали пушки.

- Прямо как на похоронах королевы Великобритании - салют и чопорность, - изрекла мама и смахнула с носа то ли слезу, то ли каплю пота.

По дороге назад мы напряженно молчали до тех пор, пока не отъехали на безопасное расстояние от дальности действия "катюш". По радио объявили, что жители Хайфы могут покинуть укрытия и вернуться в свои дома.

- Взгляни-ка вот на это, - говорит мне мама с заднего сидения и извлекает из лежащей у нее на коленях сумки золотую заколку и золотую цепочку с медальоном в форме сердца, в центре которого жемчужина.

- Это та цепь, которую ты искала? - Нет, но я все равно нашла кое-что. А ты что думал - твоя мама шляпа?

Она надевает цепочку на шею и спрашивает: "Ну как? Классно, да?"

Рассказы взяты из сборника "Дела семейные" (Тель-Авив, 2015)

* Популярные британские рок-группы 80-90-х годов прошлого века.

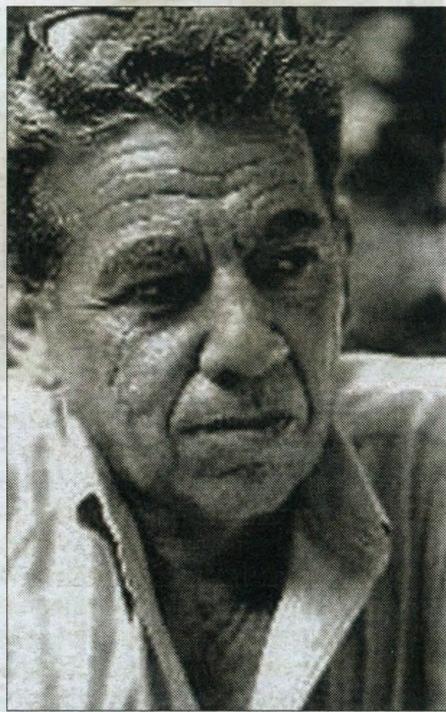
ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК, ПУБЛИЦИСТ И РЕДАКТОР

"В нашей литературе смена устоявшихся норм происходит значительно быстрее, поскольку мы "привезли" с собой в Эрец-Исраэль разные страны и культуры: одни - Россию, другие - Германию, третьи - Ирак, четвертые... И потому пристальный взгляд обнаружит влияние русского символизма и имажинизма, немецкого экспрессионизма, французского экзистенциализма, англосаксонского модернизма..." - Это фрагмент из эссе "Ивритская поэзия - со времен Библии до наших дней". Автором является поэт и публицист, получивший известность под псевдонимом "Тет Карми", или "Т.Карми". 20 ноября со дня его смерти исполняется 25 лет.

Настоящее имя литератора - Карми Чарни. На свет он появился в Нью-Йорке 31 декабря 1925 года в семье директора еврейской иешивы в центральной части Квинса Бернарда (Баруха) Чарни. В семье уже в то время говорили на иврите - на языке, которому еще лишь предстояло возродиться для новой жизни и впоследствии стать официальным государственным языком в Израиле. Так что иврит, наряду с английским языком, Карми знал с самого детства. Обучался он в Иешива-университете и в Колумбийском университете. В 1946-1947 годах Карми довелось поработать во Франции, в приюте для еврейских сирот, потерявших родителей в годы Холокоста.

В 1947 году Карми отправился на жительство в Эрец-Исраэль, став участником великих исторических событий. Когда грянула Война за Независимость, в армию был призван и он, став защитником родившегося на его глазах Государства Израиль. Затем поступил в Еврейский университет в Иерусалиме. Первые две книги стихов Т.Карми - "Мумве-халом" ("Увечье и мечта", 1951) и "Эйн прахим шхорим" ("Нет черных цветов", 1953), навеянные воспоминаниями о пережитом, произвели подлинную сенсацию в израильском литературном мире. В Израиле Карми обогатил свою речь разговорным и сленговым ивритом, и вскоре язык его произведений стал и современным и, наряду с этим, вневременным, а знание им других языков естественным образом направило его творческие поиски и в русло переводческой деятельности. Ею Т.Карми занимался много и успешно, обратившись, в первую очередь, к Шекспиру. В 1958 году за книгу "А-ям а-ахарон" ("Последнее море"), автор был удостоен своей первой литературной премии - им. Шленского.

За свою жизнь поэт выпустил семнадцать книг. Многие выдержали не одно издание, включая их переводы на английский, французский, немецкий язык. Последнее десятилетие жизни поэта ознаменовалось новым всплеском творческой энергии, но последние его годы оказались омраченными борьбой

с тяжелой болезнью. Поэт неутомимо трудился, преодолевая недуг, успев завершить, буквально за день до своей смерти, работу над книгой "Ширим нивхарим: 1951-1994" ("Избранные стихи: 1951-1994").

Много сил и энергии Т.Карми отдавал преподавательской деятельности. В течение долгих лет он был приглашенным профессором в Еврейском университете, в Хибру Юнион колледже в Иерусалиме, где он получил степень почетного доктора, в университете Брандайза, в университетах Стенфорда, Йеля, Остина, Лондона, Парижа и других. Особо плодотворным было его сотрудничество с Оксфордским университетом в 1974-1976 годах. Там Карми завершил и подготовил к печати издание, над которым работал около десяти лет - "Книгу еврейской поэзии" на иврите, и в переводе на английский язык. В 1961 году вышла в свет антология "Современная ивритская поэзия", одним из редакторов которой был все тот же Т.Карми. Как указывает переводчик и публицист Виктор Радужский, лично знавший Карми, "в мире нет, пожалуй, ни одного крупного университета, где изучается иудаика, в библиотеке которого не хранились бы книги этого литератора: антологии, в составлении которых он участвовал и его собственные произведения - в подлиннике и в переводах". Свой вклад плодотворный автор внес и в детскую литературу, написав совместно с Шошаной Хейман, под псевдонимом "КУШ", веселую и увлекательную книжку для юных читателей.

Из жизни Карми Чарни, обладатель нескольких наград, в том числе - престижной премии имени Х.-Н.Бялика за достижения в творчестве, ушел 20 ноября 1994 года, оставив в истории литературы заметный след. К сожалению, из богатого литературного его наследия на русский язык переведено пока только немного. Но остается надежда, что явный пробел этот будет восполнен.

Из поэзии Т.Карми

Попугай в Старом городе

Господа хвалю.
Я тебя люблю.
Привет.

Голова его залита златом.
Тело - зелено безупречно.
Подножье для ножки его - рука ее.

Ногти ее - киноварь острая.
Кудри ее - сухие водоросли.
Платок - как горчица, желт.

Всегда по следам ее -
младенцев шлейф,
будто смерч перьевой.

Господа хвалю.
Я тебя люблю.
Мир и привет

меж человеком и Господом.
Меж человеком и ближним его.
Привет.

Вся премудрость
на одной ножке.

Перевод Г.-Д.Зингер

Протянутая рука

Вот она - рука,
Протянутая за нашим подаянием.

Руки-руки-руки -
Сколько рук нырнет в карманы,
Руки виновато-поспешные в замешательстве жалости;
Теорий сколько, сколько доктрин
Парализуют состраданье рук.

К руке,
Протянутой за нашим подаянием.

Глаза-глаза-глаза -
Сколько глаз вдруг вспомнит о забытом небе

Или откроет вдруг давно невидимую цель;
Сколько сумочек - хорошеньких и весело раскрашенных
Щелкнет, демонстрируя щедрость,

Перед рукой.

Ребятишки-сорванцы -
Сколько их плевком
презрения покроет

Эту руку,
Я не знаю,
Я не знаю, сколько отцов
Узрит будущее сыновей своих
В руке,
Протянутой за нашим подаянием.

Вот она - рука!

Перевод А.Пэнна

Зеленая баллада

Зеленый бедняк
На уборке маслин.
Старик оливняк,
Будь поласковей с ним.

Прими неумущего
Сына земли
И хлебом насущным
Не обдели.

Луч солнца, как дождик,
Стекает с небес.
Голодный поденщик
На дерево влез.

Зеленый поденщик -
Тебе он собрат!
Смотри, чтоб побольше
Плодов он собрал.

Седой оливняк -
Словно бог доброты.
Вовсю зеленея
Листы и плоды.

О ты, кто древней всех
На этой земле,
Не бойся, доверься
Крестьянской семье.

Какое засилье
Зеленых маслин!
И в зелени зелень
До самых глубин!

В зеленом величье
Все гаснут цвета,
И в чем же отличие
Плода от листа?

Небесное благо
И сладкий наш хлеб...
Зеленый бедняга
От солнца ослеп.

Он немощен, зелен,
Не кормлен и наг.
Но ты милосерден,
Седой оливняк!

Перевод В.Корнилова

Буря во Флоренции

В блеске молнии тело твое сверкнуло.
Я видел мрамор и видел прах.
Грохотали безжалостно громы.
Милосердные родители
Поспешили закрыть жалюзи.
Теплая ладонь
Добралась до холодных губ.
Испуганные влюбленные
Склонились, успокоившись,
Затенили разрывающиеся глаза,
Препятствуя собственными телами
Ужасу в окнах.
А я оставался на месте,
Читая будущее
В Книге Небес.
Тело твое мерцало.
Я видел мрамор и видел прах.

Перевод А.Головахи